

Российский государственный гуманитарный университет

Факультет документоведения и технотронных архивов

ТЕХНОТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Сборник научных статей,
посвященный памяти заслуженного профессора РГГУ,
доктора исторических наук В.М. Магидова*

Москва 2020

УДК 930.25(082)

ББК 79.3я434

Т 38

Ответственный редактор:

Г.Н. Ланской

Составитель:

М.М. Жукова

Т 38

Технотронные документы в информационном обществе: Сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора РГГУ, доктора исторических наук В.М. Магидова / Отв. ред. Г.Н. Ланской; сост. М.М. Жукова. – М.: Издательство «Спутник +», 2020. – 140 с.

ISBN 978-5-9973-5470-1

УДК 930.25(082)

ББК 79.3я434

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5470-1

© Коллектив авторов, 2020

Содержание

Пивовар Е.И. Предисловие.....	10
Голиков А.Г. Изучение политической карикатуры как проблема комплексного источниковедения	13
Козлов В.П. К вопросу об особенностях фотодокументальных источников, их классификации и описания.....	17
Ланской Г.Н. Проблемы архивоведения и источниковедения в творчестве В.М. Магидова.....	24
Аносов Д.В. Краткий обзор фотодокументов фонда личного происхождения В.А. Гурко-Кряжина в Архиве РАН	32
Антонова О.Е. Документы о строительстве Дворца Советов (1931–1937 гг.). По материалам государственных архивов	37
Ашмарина С.В. Идиллия Г.А. Гапона и реальность (по материалам воспоминаний)	46
Болотина М.О. Реализация Государственным музейно-выставочным центром «РОСФОТО» национальной программы сохранения фотодокументов, входящих в состав государственных фондов Российской Федерации	51
Горбанёва Е.О. Происхождение и социально-культурное значение фотодокументов по истории балет второй половины XIX–начала XX вв. на примере документов РГАЛИ.....	60
Жукова М.М. Документы личного происхождения как источник по истории отечественного телерадиовещания.....	64
Злобин Е.В. Первые публикации о первом компьютере в мире (как вновь открывали Колоссусе)	72
Илизаров С.С. Вторая институционализация истории науки: к 75-летию создания Института истории естествознания АН СССР	76
Киселев М.Ю. Изобразительные источники и звукозаписи в Архиве Российской академии наук: проблемы сохранности	89

Кукарина Ю.М. Современные тенденции нормативного регулирования работы с электронными документами.....	93
Кюнг П.А. Авторские и смежные права применительно к архивным документам: проблемы комплектования и использования научно-технической Документации.....	101
Новосельская Ю.И. Формирование научной школы по аудиовизуальным документам и архивам в ИАИ РГГУ: историографический аспект.....	108
Паламарь Н.Ф. Проблемы сохранения рукописного наследия	112
Рубинина З.М. Рекламный фотобуклет к фильму как исторический источник (на примере советских миниатюрных фотобуклетов-«гармошек» 1936 – 1941 гг. из коллекции ГИМ).....	116
Стеценко Ю.В. Изобразительные материалы в Архиве РАН: классификация, хранение, использование	124
Сундукова Д.А., Воронцова Е.В. Создание электронного аудиовизуального архива археографической лаборатории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: простые решения для небольшой коллекции.....	129
Чичуга М.А. Фотоколлекция подмосковного краеведа М.В. Золотарева	137

Сведения об авторах

Аносос Дмитрий Владимирович - исполняющий обязанности младшего научного сотрудника группы комплектования личными фондами ученых и их научного описания центра комплектования Архива Российской академии наук.

Антонова Оксана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры архивоведения Российского государственного гуманитарного университета.

Ашмарина Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Российского государственного гуманитарного университета.

Болотина Марина Олеговна – главный специалист Государственного архива Российской Федерации.

Воронцова Елена Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Голиков Андрей Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Горбанёва Елизавета Андреевна – магистрант Российского государственного гуманитарного университета.

Жукова Мария Михайловна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета.

Злобин Евгений Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, директор Управления по взаимодействию с учебными учреждениями ПАО СК «Росгосстрах».

Илизаров Симон Семенович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических

архивов Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом Института истории естествознания и техники Российской академии наук.

Киселёв Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, руководитель центра учета и обеспечения сохранности документов Архива Российской академии наук.

Козлов Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры архивоведения Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН.

Кукарина Юлия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета.

Кюнг Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета, заместитель директора Российского государственного архива научно-технической документации.

Ланской Григорий Николаевич – доктор исторических наук, доцент, декан факультета документоведения и технотронных архивов, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета.

Новосельская Юлия Иосифовна – доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета, научный сотрудник научно-образовательного центра «Гуманитарный архив» Российского государственного гуманитарного университета.

Паламарь Наталья Федоровна – заведующая лабораторией реставрации музейно-выставочного и реставрационного фонда Архива Российской академии наук.

Пивовар Ефим Иосифович – доктор исторических наук, профессор, президент Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН

Рубина Зоя Максимовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник Государственного исторического музея.

Стеценко Юлия Владимировна – младший научный сотрудник группы комплектования личными фондами ученых и их научного описания центра комплектования Архива Российской академии наук.

Сундукова Дарья Александровна – специалист по учебно-методической работе межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Чичуга Марина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета.

Предисловие

Этот сборник посвящен памяти Владимира Марковича Магидова – известного российского историка, специалиста в области историографии, источниковедения и архивоведения кинофотофонодокументов, основателя и в течение долгого времени декана факультета технотронных архивов и документов Историко-архивного института РГГУ, члена международных и российских академий.

Владимир Маркович Магидов – бесспорно яркая и самобытная фигура в истории Российского государственного университета в целом и Историко-архивного института в частности. Общаясь с ним на протяжении нескольких десятилетий, я неизменно ощущал и высокий профессионализм историка-архивиста, и заинтересованный и дружеский интерес к судьбе товарища по цеху, радость и гордость его успехам, сочувствие и поддержку в трудных обстоятельствах. Это проявлялось по отношению ко мне всегда и неизменно независимо от того на каких бы постах мы с ним не трудились. Это подлинно товарищеское и дружеское отношение сочеталось у Владимира Марковича с блестящим чувством юмора, что делало общение с ним подлинно неповторимым.

На всех должностях – от учителя сельской школы до руководителя факультета и бессменного, на протяжении двадцати лет, заведующего кафедрой аудиовизуальных документов и архивов Историко-архивного института РГГУ – он проявлял свои лучшие созидательные качества ученого, педагога и организатора учебного процесса. Они выразились в создании запомнившихся многим людям исследований, нормативно-методических документов, образовательных программ и успешно преподаваемых дисциплин.

В сфере его профессиональных интересов в течение более сорока лет находились различные вопросы, относящиеся к тематике новых для развития

информационного общества технотронных документов. Это исторические обстоятельства их создания в России и зарубежных странах, их специфика в сравнении с другими видами исторических источников. Владимиром Марковичем, его коллегами и учениками разработано новое перспективное направление изучения изобразительных и изобразительно-звуковых документов, которым является аудиовизуальная антропология. Итоги этой деятельности отражены в двух его монографиях и многочисленных статьях, которые получили широкое профессиональное признание в России и за рубежом.

Помимо вызывающей чувство уважения работы в стенах Историко-архивного института РГГУ В.М. Магидов долгие годы трудился во Всесоюзном, а ныне Всероссийском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела. Находясь во главе созданного сектора кинофотофонодокументов, он возглавил и успешно завершил работу по созданию «Основных правил работы с кинофотофонодокументами в государственных архивах» (М., 1980), «Основных правил работы с кинофотофонодокументами и видеофонограммами в ведомственных архивах» (М., 1989), многих методических пособий. Он также участвовал в подготовке отдельных разделов «Словаря современной архивной терминологии» (М., 1982) и «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

В.М. Магидов стал одним из признанных лидеров в российском архивном деле. Он организовал первую в нашей стране Национальную ассоциацию аудиовизуальных архивов. Кроме того он был руководителем секции научно-технических проблем архивного дела в Российском обществе историков-архивистов.

В качестве педагога Владимир Маркович сформировал целую научно-педагогическую школу в стенах Историко-архивного института РГГУ. Им подготовлено несколько десятков дипломников и большое число кандидатов исторических наук. Он был известен своей широкой эрудицией,

профессионализмом, доброжелательностью. Его признанные всеми достоинства вызывали уважение и авторитет в университете и за его пределами.

В этом сборнике, как в зеркале, отразилась вся палитра научных и творческих интересов юбиляра, относящаяся к особенностям аудиовизуальных и электронных документов как исторических источников и объектов архивного хранения. Авторами статей стали многолетние соратники Владимира Марковича и его ученики.

Материалы сборника показывают, что научное направление, сформированное В.М. Магидовым, имеет несомненную перспективу развития.

Изучение политической карикатуры как проблема комплексного источниковедения.

Одним из актуальных направлений современных исторических исследований является комплексное источниковедение. По авторитетному утверждению В.Л. Янина, «синтез источников в одном исследовании – главное средство развития исторической науки <...> Цельное здание истории может твердо стоять только на цельном фундаменте источниковедения» [Янин, 1977.С. 21].

Археологи и медиевисты раньше других ощутили необходимость в расширении источниковой базы исследований посредством комплексного изучения вещественных и изобразительных, вещественных и письменных, изобразительных и письменных источников. Достаточно назвать имена А.В. Арциховского [Арциховский, 1944.], М.Н. Тихомирова [Тихомиров, Арциховский, 1953], С.О. Шмидта [Шмидт, 1973].

На кафедре источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова зарождение этого направления относится ко второй половине 60-х – началу 70-х гг. Пионерской в этом отношении стала кандидатская диссертация В.А. Плугина «Мировоззрение Андрея Рублева» (МГУ, 1969). Автор предпринял опыт изучения идейного содержания творчества величайшего живописца Древней Руси на основе анализа образного строя его произведений и свидетельств летописей.

Вскоре выпускник кафедры истории средних веков, аспирант кафедры источниковедения В.М. Магидов представил к защите кандидатскую диссертацию по теме «Кинохроника Москинокомитета – Фотокиноотдела Наркомпроса как исторический источник (на примере выпусков “Кинонедели” 1918–1919 гг.)». Диссертация была подготовлена под руководством кандидата исторических наук В.С. Голубцова и успешно защищена в диссертационном совете при историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 1973 г.

Оригинален уже выбор предмета исследования – кинодокумент, отразивший новую историческую эпоху. «Кинонеделя» - первый киножурнал, который показывал советскую действительность. Принципиальная новизна работы историка-исследователя с этим источником состояла в том, что помимо изобразительного материала, который монтируется автором фильма по своему усмотрению, им вводятся для интерпретации изображения пояснительные надписи (титры). Таким образом создавался комплексный источник по происхождению.

В.М. Магидов должен был это обстоятельство изначально учитывать. Сделанные им источниковедческие наблюдения по-прежнему актуальны. «Задача надписи очевидна. Она является составным монтажным элементом киноленты, как и планы. Надпись должна в какой-то степени расшифровать планы, указывая позицию автора, и тем самым выполняет не только и не просто информационную функцию. В результате монтажа в сочетании изображения и надписи появляется сюжет, как наиболее законченная часть кинодокумента<...> В результате сочетания различных планов и надписей появляется логическая последовательность внутри сюжета или выпуска, которая органически связывает весь изобразительный материал <...> Изъятие надписей из какого-либо выпуска “Кинонедели” привело бы к тому, что киноизображение стало бы обезличенным (трудно было бы разобраться, к какому времени относится данная съемка, где она произведена и т.п.) <...> Надписи, не нарушая, в целом, механического движения, характерного для изобразительного ряда вообще, способствуют превращению его в иной тип движения – логическое. Законченные и тематически обусловленные надписи раскрывают тем самым внутреннее развитие события, в результате чего определенный сюжет воспринимается нами как единое целое» [Магидов, 1973.С. 15–16].

Так же, как и в материалах кинохроники, изученных В.М. Магидовым, в политической карикатуре, в соответствии с замыслом автора, органически сочетаются и существуют в неразрывном единстве изображение и текст. Текст в карикатуре может включать несколько компонентов: название, надпись,

реплики, диалоги и монологи (иногда довольно пространные) персонажей, наконец, разнообразные надписи, в том числе имя персонажа, если отсутствует или не очевидно портретное сходство. При этом в названии и подписи, как и в собственно рисунке, всегда отражена позиция карикатуриста, который синтезирует изображение и текст в едином произведении.

Отличительной чертой сатирической графики, как известно, является злободневность. Карикатура – это всегда публицистический отклик на событие, известное современникам и может быть понята только в определенном историческом контексте. При этом художник обращается не только к сознанию человека, но прежде всего, к эмоциональному восприятию им действительности.

Соотношение визуального и вербального аспектов в работах карикатуристов не было величиной постоянной [См. подробнее: Голиков, 2016. С. 17–29]. Текст может дополнять рисунок, когда карикатура имеет «двойное дно» и смысл сатирического произведения не очевиден с первого взгляда. Текст может служить пояснением к рисунку, внося необходимый для точного понимания смысла карикатуры акцент, концентрируя внимание читателей-зрителей на нюансах изображения. Диссонанс визуального и вербального рядов может существенно усилить сатирический эффект восприятия карикатуры. Наконец, когда рисунок и текст совпадают по смыслу, эмоциональное воздействие произведения сатирической графики достигает максимума.

Хотя в 1865 г. в России отменили предварительную цензуру выходивших в Петербурге и Москве периодических изданий, но для любых рисунков и других изобразительных источников «с текстами и без оных» ограничения сохранялись. Поэтому художники нередко представляли в цензуру внешне безобидный рисунок, который дополнялся текстом понятным современникам, привычным к эзопову языку тогдашней отечественной периодической печати.

Так, на обложке одного из номеров журнала «Гудок» за 1862 г. напечатана карикатура Н.В. Иевлева «Беседа двух господ». Художник изобразил молодых людей, стоящих на набережной Невы. На тираду первого: «Я всегда стоял и буду стоять за идею», – второй отвечал: «Стоять-то не мудрено, а ты вот посиди»

(курсив мой. – А.Г.). Говоря это, он, не оборачиваясь, указывал на противоположный берег, скрытый туманом. Слова, выделенные курсивом – «стоять» и «сидеть» – в русском языке, как известно, употребляются в разных значениях. Слово «стоять», кроме основного значения – находиться в вертикальном положении, имеет и другое – стоять за свои убеждения. Именно в таком смысле оно использовано в подписи, на что внимание читателя обращал курсив. Слово «сидеть» – должно было прочитываться: сесть в тюрьму – поскольку автор поместил собеседников напротив Петропавловской крепости. Именно там, как хорошо знали современники, и «сидели» те, кто «стоял» за свои убеждения. Летом 1862 г. были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, члены революционной организации «Земля и воля»... Вскоре после этого и появилась карикатура.

Впечатление контраста рисунка и текста может существенно усилить верстка. На карикатуре Н.В. Ремизова «В дни разочарований» перед читателем-зрителем престаивал некто в одеждах Наполеона. Подпись гласила: «Эх, кажется все наполеоновское есть – и треуголка, и плащ, и остальное, а на кого ни надену, никто не подходит...». Карикатура появилась на обложке популярного еженедельника «Новый сатирикон» летом 1917 г. под логотипом, включавшим лозунг: «Да здравствует демократическая республика!».

Поместив карикатуру на первой полосе, редакция, безусловно, стремилась подчеркнуть особую актуальность и значимость публикуемого материала. При этом никто не подумал о том, как рисунок и текст сатирического произведения будут сочетаться с общим оформлением номера. Но через случайное ярко высветилось закономерное. В создавшемся контексте карикатура стала восприниматься уже не как ирония, а как сарказм автора.

Рисунок и текст в карикатуре, существуя в неразрывном единстве, несут определенную смысловую нагрузку, а соотношение и значение той или другой из этих составляющих в каждом конкретном случае определяется авторским замыслом и условиями, в которых творил художник. Для историка карикатура

интересна и важна как источник комплексный – визуальной и вербальной – информации о прошлом.

Примечания

1. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высшая школа, 1977. – С. 21.
2. Арциховский А.В. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М.: МГУ, 1944.
3. Тихомиров М.Н., Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.: МГУ, 1953.
4. Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973. – С. 42–66.
5. Магидов В.М. Кинохроника Москинокомитета – Фотоотдела Наркомпроса как исторический источник (на примере выпусков “Кинонедели” 1918–1919 гг.). Автореф. Дис. Канд. Ист. наук. – Москва: МГУ, 1973. – С. 15–16.
6. См. подробнее: Голиков А.Г. Рисунок и текст в политической карикатуре отечественных дореволюционных сатирических журналов // История отечественных СМИ. Ежегодник 2016. – Вып. 1. – Т. 1. – М.: факультет журналистики МГУ, 2016. – С. 17–29.

В.П. Козлов

К вопросу об особенностях фотодокументальных источников, их классификации и описания

Свой доклад я хотел бы начать с нескольких предварительных замечаний, имеющих принципиальное значение для его названия, проблематики и содержания.

Первое. И в недавнем, и в современном общественном сознании существует устойчивое представление о том, что фотография – это не документ.

Более того, в среде профессиональных архивистов и историков вопреки теории документа, архивному законодательству из-за непрофессионализма или небрежности такая точка зрения внедряется в общественное сознание в основном через выставочные архивные проекты. Посмотрите в Интернете названия таких выставок за последние два-три года по всей нашей стране и Вы убедитесь в этом. Эти небрежность или незнание отражают сознательно или бессознательно отношение к фотографии как к некоей неопределяемой сущности – в лучшем случае как иллюстрации в историческом повествовании или только как особое произведение искусства. Наличие такого подхода неизбежно играет отрицательную роль в сбережении фотографий и в понимании, использовании и интерпретации их как особого вида документальных исторических источников.

Второе. Если посмотреть на фотографию как на особый вид документальных источников, можно заметить, что в ней обнаруживается немало общего с другими документальными источниками, например, с письменными документами, прежде всего если все их мы будем рассматривать с позиций эволюции носителя и способа фиксации информации. Фотодокументирование на данный момент, как и письменное текстовое документирование, прошло три стадии своего развития – от элитарного документирования через массовое, а теперь в эпоху цифровой фотографии – к всеобщему фотодокументированию. Этот процесс имеет две противоречивые стороны. С одной стороны, всеобщее фотодокументирование теперь способно зафиксировать многое из того, что было не под силу элитарному и даже массовому документированию – от природных и техногенных катастроф до нахождения человека в экстремальной ситуации. С другой стороны, хорошо известна необъяснимая закономерность, согласно которой чем массовее документ, тем меньше у него шансов быть сохраненным.

Третье. Как и письменный документ по происхождению фотодокумент может быть отнесен к одному из двух классов – официального или неофициального происхождения со всеми вытекающими из этого последствиями определения его значения как документального исторического источника. При небольшом напряжении воображения и мысли мы можем обнаружить и

фотодокументы сакрального класса документов. К ним, например, можно отнести фотопортреты церковных святых, являющиеся для верующих носителями особого смысла их веры. Для некоторых религиозных течений сакральными становятся фотокопии текстовых документов, например, метрических книг.

Тогда в чем же отличие фотодокумента, например, от документа письменного? Вопрос банальный, банальный и ответ на него: фотодокумент содержит не текстовую или вербальную, а зрительную или визуальную информацию и в отличие от текстового документа фотодокумент запоминает всегда некое мгновение действительности.

Любой документ создается человеком или машиной ради определенной цели. Эти цели могут быть самыми разнообразными, поэтому в общей теории документа есть очень важное понятие функции документа. Если взять письменный документ, любая его функция так или иначе в большинстве случаев основана на регулирующем начале. В отличие от этого фотодокумент преимущественно создается на основе запоминания мгновения действительности. Он не столько регулирует, сколько запоминает, т.е. уже самим фактом своего создания нацелен быть источником. Разумеется, между этими двумя основаниями есть переходные ситуации, когда текстовый документ, например отчет или оперативное донесение, фиксируют мгновение или совокупность мгновений уходящего времени, а фотодокумент, например портрет разыскиваемого преступника, играет регулятивную роль. Но все же свойство памяти для текстового документа является вторичным, производным от его первичного свойства быть регулятором, тогда как для фотодокумента оно изначально первично.

Теперь остановимся на нескольких очевидных функциях фотодокумента.

Первая из них – информационная призвана зафиксировать все то, что заинтересовало по каким-то причинам автора документа, чтобы передать все это определенному кругу пользователей. Это информация для себя и для некоего круга других людей. Вторая функция фотодокумента – коммуникативная –

информация о себе, своих действиях и поступках. Если, например, фотофиксация чрезвычайных событий ныне адресована неопределенному кругу пользователей, то фронтовые фотодокументы времен Великой Отечественной войны свидетельствовали близким: я жив, ждите меня, с пожеланием получить обратный комментарий. Третья функция фотодокумента - удостоверительная. Например, фотопортреты на личных документах удостоверяют, что их владелец – именно то лицо, которое изображено на фотографии. Четвертая функция фотодокумента – доказательная, когда он становится носителем некоей важной информации, доказывающей зафиксированный на нем факт, событие и сопутствующие им обстоятельства. Эта функция используется в оперативно-розыскной работе, судебно-следственном делопроизводстве. Пятая функция фотодокумента – креативная, направленная на реализацию творческих способностей его автора. Шестая функция фотодокумента – репродуктивная – обеспечивает фиксацию определенных материальных объектов и состояния природы. Седьмая функция фотодокумента связана с необходимостью фиксации с его помощью реальных технологических процессов. Наконец восьмая функция - фиксация состояния макро и микромира.

Как видим, по большому счету за небольшим исключением нет принципиальной разницы между функциональной заданностью фотодокумента и текстового документа. Более того, во многих случаях они не могут существовать друг без друга, а фотодокумент часто является носителем еще и текстового документа в виде его заголовка на обороте фотографии. Например, некоторые отчеты о научной работе не могут существовать без сопутствующих текстовым документам фотодокументов, и наоборот. Иначе говоря, фотодокумент от текстового документа отличается лишь способом фиксации информации и ее зрительным характером.

Поэтому в рассуждениях о фотодокументе как документальном историческом источнике принципиально важно разобраться в сути этой зрительной информации. Ее классификация как раз и позволяет понять эту суть. Она же приобретает существенное значение при описании фотодокументов и их

издании как в качестве иллюстраций к текстовым источникам, так и в качестве самостоятельных фотодокументальных источников.

Многие из таких классификаций хорошо известны. По организации хранения фотодокументов можно говорить об их частях в составе фондов юридических и физических лиц, специальных коллекциях, создаваемых юридическими и физическими лицами, в качестве фондов специализированных организаций, занимающихся фотодокументированием, наконец, по тематическим коллекциям фотодокументов, создаваемым в самих архивах. По носителям информации выделяются пластинчатые, пленочные, цифровые фотодокументы. По цветности можно говорить о черно-белых, цветных и раскрашенных разными способами фотодокументах. От просто фотодокументов можно отделить альбомы, например, семейные, детские и т.д.

Мне кажется, что все эти и другие классификации в принципе важны при работе с фотодокументами, но они всё же имеют вспомогательный характер.

Если исходить из содержания зрительной информации фотодокументов, то их классификация могла бы выглядеть следующим образом. О первом, высшем уровне такой классификации фотодокументов я упоминал выше. Это отнесение фотодокумента к одному из трех классов официального, неофициального и сакрального происхождения. Оставим класс сакральных документов и остановимся на отличии друг от друга двух оставшихся классов фотодокументов. Выделение этих двух классов представляет для нас особый интерес, т.к. каждый из них в значительной степени предопределяет в каждом конкретном случае степень полноты, характер режиссуры и достоверности зрительной информации фотодокументов.

Как это не покажется странным, но следующий уровень классификации фотодокументов – по их содержанию – определяется намного проще, чем при классификации содержания текстовых документов. Здесь мы вполне отчетливо можем выделить 6 видов фотодокументов: портретные, видовые, событийные, ситуационные, предметные и смешанные.

Портретное документирование – это зрительная информация о человеческом лице и фигуре. Оно может быть либо индивидуальным, либо коллективным - с родственниками, друзьями, коллегами.

Фотодокументы видового характера содержат изображения состояния природы или созданных руками человека сооружений. Внутри каждой из этих двух больших групп фотодокументов видового характера мы можем выделить подгруппы разных видов природы, гражданских, инженерных сооружений, архитектурных, исторических памятников. Такая зрительная информация обладает высокой степенью аутентичности объектов фиксации и часто является для исследователей первоисточником в связи с утратой или изменением этих объектов.

Третий вид фотодокументов – зрительная информация событийного характера: фиксация фактов и событий, чем-либо важных для человека, сообщества людей, корпорации, государства. Для этого вида зрительной информации фотодокументов характерно большое разнообразие, определяемое прежде всего рангом фиксируемого события: общенациональное, региональное, локальное, частное и исходя из целевой заданности его фиксации и формы его бытования - изначально непубличное, публичное, ограниченно публичное, личное. Источниковедческий анализ фотодокументов с информацией событийного характера, по всей вероятности, должен, во-первых, учитывать степень их режиссуры и, во-вторых, изначальную форму бытования. Обнаружение режиссуры создания фотодокумента и изначальная публичная форма его бытования снижают достоверность фотодокумента событийного характера.

Четвертый вид фотодокументов содержит зрительную информацию ситуационного характера, зафиксировавшую некое действие и обстоятельства его совершения. Этот вид информации фотодокументов часто близок к третьему виду, иногда даже совпадает с ним, но его особенность заключается в фиксации части некоего процесса, ситуации. Это тоже событие, но событие так или иначе предметное с окончательным или промежуточными результатом. Семейное торжество, пикник на природе, взрыв снаряда, выплавка металла, косьба, пахота, сцена из спектакля – все эти почти всегда обычные, рядовые события есть ничто

иное как зрительная фиксация огромного разнообразия ситуаций, в которых, впрочем, можно обнаружить нечто типичное. Источниковедческий анализ этого вида информации фотодокументов совпадает с принципами, обозначенными выше при анализе фотодокументов с информацией третьего вида.

Пятый вид зрительной информации фотодокументов – предметный – фиксирует некие природные и созданные руками человека объекты, детали изображения которых представляют особый интерес для их изучения.

Шестой вид – визуальная информация смешанного характера: фиксация в разных или всех комбинациях пяти названных выше видов визуальной информации. Это изображения микро и макро миров, частей механизмов и сооружений.

Этот беглый обзор типологии зрительной информации фотодокументов можно уточнять и дополнять, а также углублять детализацию. Но очевидно, что он вполне приемлем при описании фотодокументов, обеспечивая ее большую строгость, точность и глубину. Такая типология открывает, наконец, более или менее приемлемые основания для разработки моделей документальных публикаций фотодокументов как самостоятельных исторических источников. Такие модели могут основываться на выявлении типичности в зрительной информации фотодокументов. Зрительные ряды такой типичности могут быть бесконечными; по желанию и необходимости из них могут быть выбраны самые разные проблематики тем документальных публикаций – например, быт или отдых советской семьи, городская или деревенская жизнь, одежда советских людей, праздничные демонстрации и т.д. Поэтому вряд ли возможна академическая документальная публикация, основанная на включении в нее двух или более видов зрительной информации – она будет всегда носить иллюстративный, а значит, неубедительный познавательный характер, что хорошо демонстрируют нам многие современные публикации фотодокументов.

Я хотел бы на этом пока закончить, надеясь в следующий раз рассмотреть методы подготовки таких документальных публикаций.

Проблемы архивоведения и источниковедения в творчестве В.М. Магидова

Одной из главных целей и при этом особенностей научного творчества В.М. Магидова являлось проведение четкой логической связи между решением проблем архивоведения и источниковедения кино- и фотодокументов. Выбор данного приоритета проводившихся им конкретных и обобщающих исследований объяснялся прежде всего тем, что специалистам в области изобразительных и аудиовизуальных источников постоянно приходилось обосновывать возможность их полноправного по отношению к письменным документам использования для формирования новых достоверных знаний об исторических событиях. Данная деятельность, кажущаяся парадоксальной в условиях современной тотальной визуализации представляемых в широкой коммуникативной среде сведений о различных странах и периодах развития человечества, наталкивалась на существенные препятствия как собственно научного, так и психологического характера. Отражающие их специфику многочисленные историографические источники базировались на предположении наличия определенного точного и доказанного знания о различных фактах, которые заимствовались из совокупности письменных текстов и должны были воспроизводиться далее в произведениях живописи, фотографиях и кинодокументах. Только в этом случае многие профессиональные историки допускали возможность не только решения, но даже самой постановки вопроса о полноте и достоверности источников визуальной информации.

Именно против такой, во многих случаях априорной констатации иллюстративной функции фото- и кинодокументов выступал со всегда корректной, но целенаправленной настойчивостью В.М. Магидов. Важной и при этом поучительной для многих исследователей особенностью его работы в данном направлении было то, что в своих эмпирических наблюдениях и выводах

он всегда опирался на изучение конкретных произведений, к содержанию которых он проявлял интерес на протяжении всей своей творческой жизни. Начав свою деятельность с изучения документов хроники Московского кинокомитета, посвященных событиям революционного движения в России и основания в итоге их развития советского государства, и представив ее итоги в наиболее полном виде в первой из своих монографий [1], он в конце своего творческого пути обратился к кинодокументам по этнографической тематике. В результате сформировавшегося у него сотрудничества со специалистами в области этнологии и, с другой стороны, в сфере киноискусства в его работах приоритетное место заняла такая пользующаяся популярностью в профессиональной среде область знаний, как визуальная и в качестве ее объектного расширения аудиовизуальная антропология. При анализе ее источниковой базы В.М. Магидова интересовала прежде всего возможность концентрации как можно более точных знаний о различных, относящихся преимущественно к малочисленной категории народах Сибири и крайнего Севера [2].

Данный выбор тематических приоритетов и их смена, включавшая в себя и другие, представленные, главным образом, в составе Российского государственного архива кинофотодокументов информационные объекты, объяснялись не какими-либо конъюнктурными соображениями, а стремлением найти наиболее точные аргументы в пользу вывода о самостоятельной ценности кино- и фотодокументов в качестве информационной базы исторических исследований. Не высказывая актуальных для современной историографии положений о необходимости дифференциации созданных в процессе прямой фиксации конкретных событий хроникальных съемок и имеющих сценарную основу документальных кинопроизведений, В.М. Магидов исходил при оценке визуальных и аудиовизуальных источников из имевшейся в них полноты сведений. Определение ее степени могло осуществляться исследователем на основе его знаний о ставших объектом документирования фактах и доступных, уже прошедших источниковедческую оценку письменных текстах. Для

проведения соответствующей работы В.М. Магидовым предлагалось представить визуальный текст в качестве потенциального письменного повествования и далее осуществить процесс транспозиции – осуществляемого на интеллектуальном и при необходимости на практическом уровне переноса изобразительного текстового ряда в литературный. Относясь с интересом и пониманием к активно отстаивавшемуся рядом ученых Российского государственного гуманитарного университета феноменологическому подходу к изучению каждого продукта целенаправленной творческой деятельности в качестве самобытного явления гуманитарной культуры, он использовал иную когнитивную стратегию.

В ее основе находилась необходимость конкретного анализа конкретных произведений в качестве объектов, из которых на гипотетическом и затем на практическом уровне может быть извлечена ретроспективная информация, имеющая признаки достоверности. В частности, при изучении документальных фильмов, созданных режиссерами с коммунистическими убеждениями и представлявших соответствовавшую официально принятой идеологической линии картину развития советского государства и общества, он предлагал исходить из степени реалистичности конкретных изображений. В результате применения данного подхода в сфере внимания исследователей могли оказываться те произведения, которые при внешне декларируемой идеологической ангажированности и агитационно-пропагандистской направленности могли выражать реально распространенные качества людей, живших в СССР в первые, предшествовавшие провозглашенной на государственном уровне десталинизации десятилетия существования советского государства. К ним, несомненно, относились социальный оптимизм, трудовой энтузиазм, способный преодолеть любые сомнения и трудности патриотизм. Стремление к выбору непосредственной выразительности визуальных и аудиовизуальных текстов, которая во многих случаях может быть представлена только при отсутствии ситуации целенаправленного позирования снимаемого объекта по отношению к камере, было объяснением того, что В.М. Магидов

почти не обращался в своем творчестве к произведениям художественного кинематографа и живописи. Можно с достаточным основанием предположить, что данный историографический факт был вызван первичностью для данных видов исторических источников факта художественной интерпретации событий, при наличии которого документализм может выступать в качестве одного из творческих приемов.

Возможности, итоги и перспективы использования кино- и фотодокументов в качестве значимых оснований формирования исторических знаний были представлены В.М. Магидовым в основанной на материалах его докторской диссертации монографии, опубликованной в 2005 году [3]. Данное исследование можно без сомнения рассматривать в качестве одного из рубежных в развитии историографии источниковедения изобразительных и аудиовизуальных документов как с теоретической, так и с методической точки зрения. Применительно к области теории и методологии исторических исследований оно представляло собой пример тщательно аргументированного использования позитивистского подхода. Автором книги на основе тщательного историографического дискурса, представлявшего различные концептуальные представления в сфере интерпретации и использования визуальных и аудиовизуальных источников, и собственных практических наблюдений показывались условия, при которых конкретные произведения могли отбираться для изучения исторических событий и явлений. К ним относились возможность их качественного документирования с технической и творческой точек зрения; репрезентативность запечатленных объектов по отношению к событийной стороне определенной исторической темы; возможность при наличии необходимости верификации визуализированных сведений с помощью письменных источников. Методическое значение осуществленного В.М. Магидовым на протяжении длительного времени исследования заключалось помимо продемонстрированного образца источниковедческой методики в наглядной демонстрации оптимальных с коммуникативной точки зрения технологий презентации визуальных текстов. В книге

«Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания» читатели смогли увидеть прекрасный пример тиражированной публикации кинематографического текста, представленного в виде нескольких смежных фрагментов монтажного кадра. Данная археографическая методика, отстаивавшаяся В.М. Магидовым еще в 1970-е гг., во многих отношениях опережала свое время и может с большим эффектом использоваться в современных условиях развития технологий информационного общества и цифровой экономики.

Источниковедческие исследования приводили В.М. Магидова к имеющим актуальный характер и в настоящее время предложениям и выводам в области архивоведения кино-, фото- и фонодокументов. Их особенностью, ставшей характерной в целом для всей историографической традиции 1980 – 1990-х гг., стало акцентирование и подробное раскрытие тесной связи, которая должна выстраиваться между организацией хранения и условиями научно-практического использования данных видов информационных ресурсов. В этом плане безусловную ценность имело высказанное В.М. Магидовым предположение о возможности внедрения фондовой системы классификации и далее учета кино- и фотодокументов в специализированных государственных архивах [4]. Будучи основанным на изучении опыта формирования фотодокументальных коллекций личного происхождения и на еще более примечательном опыте организации хранения фотодокументов в архивных фондах неспециализированных архивов оно давало основания для обеспечения поиска источников изобразительной и аудиовизуальной информации среди документального наследия учреждений и предприятий, занимавшихся их созданием. В частности, такая практика представлялась возможной для документов фирм, которые действовали в России до пришедшегося на первую половину 1918 г. процесса национализации кино- и фотопроизводства и применительно к которым можно было говорить о сформированности достаточно четко выраженных документальных комплексов. Однако, несмотря на успешную практику внедрения фондовой классификации к документам

Российского государственного архива фонодокументов, высказанные применительно к решению данной проблемы В.М. Магидовым предложения пока еще остаются нереализованными как в сфере нормативного регулирования, так и в области практической деятельности специализированных кинофотоархивов.

Высокая степень их обоснованности связана с результатами научно-методической работы, которую проводил В.М. Магидов в области анализа и последующей регламентации практически всех наиболее значимых этапов работы архивистов по отношению к кино-, фото- и фонодокументам. Его вклад в данную, остающуюся по-прежнему не подвластной многим специалистам сферу деятельности можно было бы считать значительным даже в том случае, если бы он ограничился активным организационным и практическим участием в создании правил работы с данной совокупностью информационных ресурсов в государственных [5] и ведомственных [6] архивах и в создании специализированных разделов в правилах издания исторических документов [7]. Работа над данными нормативно-методическими документами, сочетавшаяся с подготовкой методических пособий и многочисленных научных статей, способствовала определению и разностороннему раскрытию специфики документов, являющихся основными объектами хранения и использования в аудиовизуальных архивах. Также, исходя из особенностей имевшей достаточно высокий уровень централизации системы организации архивного дела в советском государстве, результаты данной работы могли использоваться в самых различных организациях, которые стремятся обеспечивать сохранность создаваемой в них аудиовизуальной продукции, оптимизировать качество ее состава и содержания. Следует констатировать, что проведенные и опубликованные В.М. Магидовым и его соратниками во Всесоюзном институте документоведения и архивного дела работы, ставшие заметной частью достижений советского архивоведения в чрезвычайно плодотворный для него период 1970–1980-х гг., оказались не вполне востребованными в условиях социально-экономических преобразований 1990-х гг. Однако применительно к

прошедшим десятилетиям истории постсоветской России и к ближайшему будущему развития архивного дела можно с достаточным основанием подчеркнуть, что в условиях активного совершенствования технологий создания и распространения кино-, фото-, фоно- и видеодокументов большинство научно-методических рекомендаций, сформулированных и обоснованных в работах последних двух десятилетий существования СССР сохраняет актуальность.

Одной из главных задач, которые ставил перед собой В.М. Магидов в области комплексного изучения источниковедческих и архивоведческих проблем, являлось теоретическое и практическое доказательство существования в качестве особого комплекса информационных ресурсов технотронных документов. Создав в рамках Историко-архивного института для подготовки специалистов по работе с ними специализированный факультет, он занимался обоснованием данной гипотезы как с научной точки зрения, так и с позиций возможной организации специализированной образовательной программы на одноуровневом и далее двухуровневом цикле [8]. В качестве основных аргументов в его работах приводились формирование в условиях индустриальной технологической революции XX в. и последующее широкое распространение новых технологий создания текстовых документов и существование для кино-, фото- и фонодокументов, а также для научно-технической документации и электронных документов особого комплекса специализированных архивных учреждений. С терминологической точки зрения выдвинутая В.М. Магидовым гипотеза опиралась на сформулированное в период рубежа 1960–1970-х гг. понятие технотронного общества, которое являлось наряду с некоторыми другими дефинициями условным обозначением постиндустриальной стадии социального развития.

Несмотря на то, что само понятия технотронных документов и архивов стали с течением времени восприниматься в качестве имеющих обобщающий и в некотором смысле абстрактный смысл, можно сказать о том, что освоение интегрируемых в их состав особенностей аудиовизуальных и электронных

документов, технической документации является плодотворным. Признание данного факта представлено в том числе в рамках государственных образовательных стандартов высшего образования, где в качестве основных сфер трудоустройства выпускников программ подготовки архивистов выступают наряду с областью административно-управленческой и офисной деятельности учреждения культуры и искусства и средства массовой информации. Таким образом, не только в области теоретических и методических исследований, но и в рамках социальной практики реализуется сформированная благодаря усилиям В.М. Магидова, а также других замечательных ученых и педагогов Историко-архивного института тесная связь между имеющей прочный нормативный фундамент архивной подготовкой и экспертной деятельностью в области раскрытия неоспоримого информационного потенциала изобразительных и аудиовизуальных источников.

Примечания

1. Магидов В.М. Зримая память истории. М.: Мысль, 1984. 264 с.
2. Магидов В.М. Научный комментарий в фильмах визуальной антропологии: проблемы изучения и использования //Аудиовизуальная антропология: теория и практика. Сборник статей. М.:Изд-во МГУ, ТЕИС, 2008. С. 72–83.
3. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 440 с.
4. Магидов В.М. Классификация кинофотофонодокументов и проблема их фондирования //Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917–1987): Межвузовский сборник научных трудов; под редакцией К.Б. Гельмана-Виноградова и Б.С. Илизарова. М.: МГИАИ, 1989. С. 20–31.
5. Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами //Составители В.М. Магидов (руководитель темы и

ответственный составитель), Л.А. Кобелькова, Е.П. Тараканова. М.: ГАУ при СМ СССР, ВНИИДАД, 1980. 168 с.

6. Основные правила работы с кинофотофонодокументами и видеофонограммами в ведомственных архивах //Составители В.М. Магидов, Л.А. Кобелькова, Ф.А. Гедрович. М.: ГАУ при СМ СССР, ВНИИДАД, 1980. 84 с.

7. Правила издания исторических документов в СССР //ВНИИДАД и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ГАУ при СМ СССР. 186 с.

8. Магидов В.М. Технотронные документы в научном и образовательном пространстве (Факультету технотронных архивов и документов Историко-архивного института РГГУ 10 лет) //Археографический ежегодник за 2005 год. М.: Наука, 2007. С. 123–141.

Д.В. Аносов

Краткий обзор фотодокументов фонда личного происхождения В.А. Гурко-Кряжина в Архиве РАН

Архив РАН хранит 1895 фондов, в которых находится более 1030000 единиц хранения. Основной массив (1215) составляют фонды личного происхождения, принадлежащие известным российским и советским ученым. Среди документов этих фондов присутствуют и фотодокументы – около 10 тыс. ед. хр. [1] Одной из особенностей является неотделимость приложений (фотографий, рукописей и других документов) от письма [2], а также могут входить, без выделения в отдельную ед.хр., в раздел документы о фондообразователе [3]. Единицы хранения из фотографий и других изобразительных материалов формируются по тематическому признаку: фотопортреты фондообразователя, семейные, групповые, фотографии относящиеся к одному событию, тематические фотоальбомы и т.д.

Аннотирование фотодокументов является наиболее сложным видом работ, требующие от архивиста внимательности, глубоких познаний в истории науки.

Владимир Александрович Гурко-Кряжин был известным российским востоковедом, археологом и этнографом Кавказа, драматургом, поэтом, художником, дипломатом. Он родился 27 апреля (9) мая 1887 г. в Тифлисе в семье врача А.Г. Гурко. Дворянин по происхождению. В 1912 г. он окончил Московский университет с дипломом I степени по специальности этнография и археология Кавказа.

С 1914 г. начинается его лекторская и научная деятельность. В 1915 г. он совершает свою первую экспедицию в Телавский уезд Грузии. Первую мировую войну воспринял патриотически, выступив с рядом лекций и поступив на службу в инженерно-строительные дружины Земгора Кавказского фронта, где и встретил революцию. Вдохновленный ею, он развивает активную просветительскую, общественную, научную, преподавательскую деятельность, в том числе и в Военной Академии РККА им. М.В. Фрунзе. В 1918 г. он выступил с докладом в г. Тифлис «Буря и натиск национальностей в России» и был одним из организаторов общественной организации Союз освобождения востока.

В 1920-х годах принял участие в ряде дипломатических миссий в Персию и Турцию. Участвовал в этнографических экспедициях по Кавказу, результаты которых актуальны и сейчас. В.А. Гурко-Кряжина занимался драматургией, участвовал в художественных выставках «Группы 7».

В январе 1922 г. В.А. Гурко-Кряжин вызван телеграммой наркома по делам национальностей Сталиным И.В. в Москву на постоянную работу. В 1924–1926 гг. привлекался в качестве историка-эксперта над следственными материалами Верховного суда СССР по делу о расстреле 26 бакинских комиссаров (процесс Ф. Фунтикова). С 1928 г. начинаются нападки и травля ученого и его научной деятельности, которая достигает своего пика в январе

1931 г. Подвергавшийся нападкам ученый скоропостижно скончался в возрасте 44 лет в Москве 17 октября 1931 г.

Состав фотодокументов фонда В.А. Гурко-Кряжина (АРАН Ф.2239) отражает все аспекты его научной деятельности. Фонд находится в стадии научного описания. По своему физическому состоянию все фотодокументы имеют различные повреждения. Среди механических повреждений преобладают изломы, загрязнения. Среди химических повреждений – различные пятна. Фотодокументы фонда В.А. Гурко-Кряжина относятся к 1914–1930 гг. и имеют признаки старения – небольшие пятна желтого цвета, местами коричневого [4]. В большинстве представленные в фонде фотодокументы требуют консервации и реставрации.

Негативы фотографий составили 3 ед. хр. (200 фотонегативов):

– негативы фотографий из фотоальбома В.А. Гурко-Кряжина «Телавский уезд Грузии – Пещеры». (23 фотонегатива код 1 за 26.07.1911 – 29.07.1911 гг.);

– негативы фотографий В.А. Гурко-Кряжина «Военно-Грузинская дорога». (5 фотонегативов, код 1 за 1911 г.);

– негативы семейных фотографий В.А. Гурко-Кряжина. [Брынково], Москва, [Мцхети]. (172 фотонегатива, код 0 – 1 за 08.1911 – 1916 гг.).

Фотодокументы фонда личного происхождения В.А. Гурко-Кряжина (АРАН Ф.2239.) представлены 288 фотографиями на бумажной основе и 26 отсканированных фотографий, подлинники, которых хранятся в домашнем архиве семьи Гурко-Кряжиных.

Из 5 имеющихся портретов лишь 2 на бумажной основе. Семейные фотографии имеют важное историческое значение. Так на некоторых фотографиях представлены главный врач Тифлисской Михайловской больницы и директор Фельдшерской школы при ней, меценат, скрипач-любитель, действительный статский советник Александр Готфридович Гурко, сын врача (Царские колодцы, Дедоплисскаро – Грузия) статского советника Готфрида Викентьевича Гурко, отец В.А. Гурко-Кряжина; Ида Станиславовна Гурко (фон Штейн), директор оториноларингологической

клиники на Девичьем поле Станислав Федорович фон Штейн, Владимир Александрович Гурко-Кряжин, Гали Владимировна Гурко-Кряжина.

Групповые фотографии разделены по тематическому признаку и представлены в основном электронными копиями фотодокументов. Некоторые фотографии являются частями письма и изготавливались в качестве фотооткрыток или были аннотированы В.А. Гурко-Кряжиным.

При аннотировании данной фотографии особый интерес вызвала фигура начальника Курсов – Казимира Гавриловича Василевского (1896–?), выпускника Восточного отделения Военной академии РККА и сами курсы [5]. В.А. Гурко-Кряжин указывает не совсем верное название курсов, что удалось выяснить благодаря журналу «Новый Восток» [6]. Так же благодаря этой фотографии удалось выяснить ранее неизвестные факты биографии В.А. Гурко-Кряжина, информация о которых отсутствует в других документах фонда. На фотографии присутствует также Иван Дионисиевич Ягелло (1865 — 1942) — русский военный востоковед, лингвист и педагог, полковник.

Особый интерес представляет фотография участников Первого всесоюзного съезда египтологов, проходившего в Москве в августе 1922 г. На электронной копии фотографии в первом ряду первый слева [М.О. Аттая], слева второй А.В. Шмидт, третий справа И.Г. Франк-Каменецкий, во втором ряду слева первый Ф.В. Баллод, второй В.А. Городцов, третья Н.Н. Хлебникова, четвертый И.Н. Бороздин, седьмая Т.Н. Козьмина-Бороздина, третий справа В.В. Струве, крайний справа А.В. Живаго, в третьем ряду в центр В.А. Гурко-Кряжин. Имеется подобная фотография в статье И. Бороздина [7], но на ней запечатлено значительно меньше народа. Чем был обусловлен выбор И.Н. Бороздина при выборе фотографии для статьи не ясно.

В фонде присутствуют фотодокументы о дипломатической деятельности В.А. Гурко-Кряжина, представленные коллекцией фотооткрыток с пометами ученого и дипломата, на одной из них указаны

лидеры Кемалийской революции [Киарим Паша Камвоси], Мустафа Кемаль, Аднем Бей.

Научная деятельность представлена электронной копией фотографии заседания востоковедов в Средней Азии в г. [Самарканд], на которой второй слева Н.И. Конрад, четвертый В.А. Гурко-Кряжин, пятый М.П. Павлович (М.Л. Вельтман), крайний справа Н.Я. Марр.

Особый интерес представляют многочисленные фотографии экспедиционной деятельности В.А. Гурко-Кряжина. Среди них фотоальбом «Телавский уезд Грузии», в котором представлены 72 фотографии пещер, церквей и монастырей в Алаверди, Шуа-Мта, Грети, Натлисмцемели, Кадорский перевал и другие.

Среди других фотодокументов присутствуют комплексы, относящиеся к этнографическим экспедициям в Курдистан (48 фотографий), Тушетию (29 фотографий), Кахетию (24 фотографий), пейзажей Кавказа (16 фотографии), ковров (22 фотографии), культовых предметов и сооружений Кавказа, Индии и Средней Азии.

Присутствуют фотографии, относящиеся к событиям исхода армян с территории Османской Империи, под давлением геноцида – строительство домов в с. Авшар, Араздаян и Армаш.

Среди фотографий общественно-политических событий выделяется комплекс фотографий открытия 1-й Ферганской сельскохозяйственной выставки в октябре 1926 г, а так же фотография группы людей в Средней Азии на фоне тракторов «Фордзон - Путиловец» и самолета Junkers F.13 Российского общества добровольного воздушного флота «Добролёт».

Фотодокументы фонда В.А. Гурко-Кряжина являются важным источником информации для изучения деятельности ученого, социологических, этнографических, искусствоведческих, архитектурных вопросов, отражающим ту обстановку и события, свидетелем которых он был. По фонду была подготовлена публикация в журнале «Исторический архив» [8].

Примечания.

1. Портал ИС АРАН URL:

<http://www.isaran.ru/?q=ru/search&str=%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D0%B8> (дата обращения 20.03.2018).

2. п.3.1.6. Методических рекомендаций по комплектованию, экспертизе ценностей и научному описанию личных фондов ученых в Архиве РАН

3. п.5.3.3.6. Методических рекомендаций....

4. Карский И.М. Некоторые аспекты реставрации фотодокументов. 01.12.2003. / Портал РГАКФД URL <http://www.rgakfd.ru/doklady-soobshhenija/karsky-nekotorye-aspekty-restavracii-fotodokumentov> (дата обращения 20.03.2018)

5. Густерин П.В. Советская разведка на Ближнем и Среднем Востоке в 1920—30-х годах. — Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. — С. 143.

6. Василевский К.Г. Средне-Азиатские курсы востоковедения РККА // Новый Восток. — М., 1928. - № 20-21. - С.497-498.

7. Бороздин И. Первый всероссийский съезд египтологов (рус.) // Новый Восток. — М., 1922. — № 2. — С. 544—545.

8. Аносов Д.В., Бондаренко А.Ф. Мастера российской историографии. Владимир Александрович Гурко-Кряжин // Исторический архив. - М.2018. - № 1. — С.92-107.

О.Е. Антонова

Документы о строительстве Дворца Советов (1931-1937 гг.). По материалам государственных архивов

Разработка Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года шла в тесном взаимодействии с разработкой другого объекта, проектированию которого уделялось не меньшее внимание. Речь идет о Дворце Советов – «Главном здании» Москвы, которое трактовалось не только как символ нового общества, но и как новый смысловой центр Москвы, что не могло не повлиять на формирование градостроительной концепции Генерального плана.

Предыстория создания Дворца Советов (непосредственная подготовка, программы, проведение конкурсов, решение жюри, пропаганда этого решения и его последствия) неоднократно становилась предметом исследования. Многие историки считают, что главной причиной невыполнения намеченных планов была начавшаяся Великая Отечественная война 1941 года [1], однако итоги, которые долго преподносились как величайшая победа в застройке Москвы в 1930-е гг. на самом деле поставили целый ряд проблем перед руководством страны. Намеченные планы строительства монументальных зданий не выполнялись в установленные сроки. Новое промышленное и гражданское строительство требовало огромного напряжения сил всего общества, чрезвычайных мер по мобилизации трудовых и материальных ресурсов, которых было не достаточно для «гигантского размаха московского строительства». Слабое обеспечение строительных объектов механизмами и машинами, постоянными кадрами рабочих, инженеров, руководителей-хозяйственников, отсутствие элементарно культуры ведения строительства приводило к невыполнению установленных планов в срок и увеличению затрат на строительство. А создание гигантов социалистической архитектуры (Дворец Советов, Дом Наркомтяжпрома, Дом Радио) требовало новых подходов к строительству, основанных на научных и инженерно-технических знаниях [2].

Несомненную ценность для выяснения причин, по которым данный объект не был воплощен в жизнь составили материалы по истории создания Дворца Советов из личного фонда Л.М. Кагановича (Ф.81) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Л.М. Каганович в этот период занимал должность первого секретаря Московского городского комитета ВКП(б) и непосредственно руководил работой по составлению Генплана и строительству Дворца Советов. Широкий спектр вопросов по геологии в деле строительства Москвы, классификации грунтов для сооружения монументальных зданий в столице отражен в документах Архива Российской Академии наук из фонда Комиссии содействия реконструкции г. Москвы (Ф. 526). Основная часть

извлеченных материалов фондов – научно-техническая документация о проектируемом объекте, отчет специалистов о заграничной командировке в страны Западной Европы и США, переписка, тезисы докладов ученых Академии наук СССР, пояснительные записки, технические условия, техническое описание, чертежи, рисунки, расчеты и др.

Идея сооружения Дворца Советов возникла на Первом съезде Советов Союза ССР 30 декабря 1922 г. Предложение о сооружении в Москве «Дома СССР» внес С.М. Киров. Он указывал на политическое значение Дворца Советов: «Это здание должно явиться эмблемой грядущего могущества, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе...»[3]. Поэтому в каждом разрабатываемом плане реконструкции Москвы, начиная с 1924 г., уделялось большое внимание не только перепланировке центра города и его пригородов, но и предполагаемому строительству центрального общественного сооружения.

А.В. Щусев в проекте «Новая Москва» (1920-1924 гг.) предполагал разместить вместо Охотного ряда Большой Дворец СССР с колоссальной аудиторией на 10 тысяч человек[4]. Позже, в 1928 г. Отдел планировки и благоустройства МКХ, которым руководил Ф.Я. Лавров, представил соображения по вопросу о выборе места для постройки Дома Съездов: «...участок по Варварке, угол Москворецкой (на этой территории 6 домов, площадь 15.000 кв.м.), участок между Тверским бульваром, Тверской и Гнездниковским переулком, площадь 7250 кв.м., 4 дома), ...участок в квартале Кудринская пл. ул. Герцена, ул. Воровского и Скарятинский переулк (18.000 кв.м.) – этот участок является вполне удобным для данной цели, как по своей фигуре и размерам, так и по рельефу удален от центра и в тоже время весьма слабо обслуживается средствами передвижения»[5].

Между появлением идеи строительства Дома СССР и объявлением Международного конкурса на его сооружение в сентябре 1931 г. лежит целая эпоха, отмеченная борьбой разных взглядов о путях развития архитектуры. Конкурсные проекты в 1932 г. стали результатом рассмотрения и оценки всех

существующих в СССР и за рубежом направлений. Схемы их планов и внутренней организации раскрепощение архитектуры от традиций предвоенного эклектического искусства, критическое и аналитическое мышление в архитектурном творчестве для «нового общества»[6].

Всего было представлено 160 проектов (12 заказных, 135 конкурсных, 13 неконкурсных) и 122 проектных предложения.

С 1931 по 1933 г. пресса уделяла огромное значение формированию нового советского стиля в архитектуре именно на материале конкурса. Обнаруживается важное обстоятельство: от Дворца ждали чего-то большего, чем просто конкретное решение определенной задачи, сформулированной в условиях конкурса. Само место для строительства расчищалось варварской акцией – был взорван Храм Христа Спасителя, построенный в XIX в. в ознаменование победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г.

Выбор был сделан Советом строительства Дворца Советов при Президиуме ЦИК СССР 10 мая 1933 г.: за основу был принят проект архитектора Б.М. Иофана. В его проекте Дворец Советов представлял собой высотную композицию в 250 м (включая завершающую скульптуру), состоящую из сужающихся тремя уступами цилиндрических объемов, покоящихся на трапециoidalном основании, с прямоугольной жилой частью (стилобатом), с колоннадой, обрамляющей полукруглую площадь-трибуну перед главным входом. Вся архитектурная композиция завершалась 18-метровой статуей рабочего, символизирующей «Освобожденный труд»[7].

Приняв за основу проект Б.М. Иофана, Совет строительства дал указание завершить верхнюю часть Дворца мощной скульптурой В.И. Ленина, величиной в 50-75 м. Таким образом, по замыслу Совета строительства Дворец Советов представлял вид пьедестала для статуи Ленина.

Для окончательной разработки проекта Совет строительства постановлением от 4 июня 1933 г. привлек на правах соавторства с Б.М. Иофаном, академика архитектуры В.А. Щуко и профессора В.Г. Гельфрейха. Вся дальнейшая работа шла по линии увеличения масштабов

здания и богатства его оформления. Осенью 1933 г. Совет строительства остановился на решении высотной части Дворца Советов в 340 м без скульптуры. В эскизном проекте фигура В.И. Ленина запроектирована высотой в 80 м, позже она была уменьшена до 75 м [8]. Однако оставалось немало вопросов по реализации этого проекта.

В 1933 г. были начаты работы по исследованию грунтов строительной площадки Дворца Советов. В описании геологии участка, выбранного для возведения Дворца, указывалось, что решающим моментом выбора отметки для основания опор является оценка свойств мергельно-глинистых слоев. Особенность глинистых оснований – способность давать продолжительные и большие по величине осадки от нагрузки монументальных сооружений[9].

В связи с исключительной монументальностью сооружения, отсутствием опыта в возведении сооружений такого масштаба в подходящих грунтовых условиях особенно в связи с отсутствием в мировой технике теоретических решений и практических приемов для решения аналогичных задач, приходилось вырабатывать более совершенные решения и приемы. Они в свою очередь повлекли за собой необходимость переработки всей методики производства проходки разведочных выработок [10]. При этом Строительству приходилось в ряд случаев отбрасывать трафаретные пути и выработать более совершенные решения и приемы.

Аварии и катастрофы с возведенными на глине сооружениями в американском и европейском строительстве показали необходимость научно-обоснованного подхода к расчету фундаментов на связанных грунтах. Зарубежные ученые заложили базу в изучении механики грунтов и указали пути для математических расчетов величины и продолжительности осадки фундаментов высотных зданий[11]. Отечественными специалистами была проделана только лишь детальная проработка основных методов определения несущих свойств глинистых слоев [12].

В 1934 году, выступая на совещании архитекторов, Л.М. Каганович заметил, «что надо возобновить заграничные командировки. Архитекторам, как

никому другим, они важны. Мы должны послать большую группу архитекторов по западно-европейским и американским городам, чтобы там они понаблюдали и не мельком, ... а внимательно присмотрелись бы к лучшим образцам архитектуры, порисовали бы» [13]. Проектировщики Дворца Советов во главе с Б.М. Иофаном, не имея достаточных научных знаний в строительстве высотных зданий, обратились к Л.М. Кагановичу с просьбой направить их в Америку и города Западной Европы «...для пользы планировки Москвы»[14].

Из общего заключения о командировке в западноевропейские города, проходившей с 21 июля по 30 декабря 1934 г., следует, что Дворец Советов требует дальнейшей доработки, так как в проект «нужно внести некоторые коррективы, направленные к большей лаконичности и выразительности содержания, упрощению конструкции и удешевлению строительства в целом, не меняя проекта по существу».

В результате всего изученного в Европе и Америке комиссия пришла к убеждению, что «именно американская техника является наиболее приспособленной по своим темпам, размаху, комплексному решению проблем и четкости проведения работ при постройке самого сооружения и на предприятиях, обслуживающих строительство».

Американская сторона, изучив проект Дворца Советов, установила «заложение фундамента вполне возможным на имеющихся грунтах площадки строительства», но при этом необходимо было «пересмотреть заложение фундамента на третьем слое известняка и принять для главных колонн 60 кессонов вместо запроектированных 30». Каркас Дворца Советов в проекте был разработан железобетонный, но «практика мирового строительства не знает железобетонных каркасов для высоких зданий, как Дворец Советов, а предполагает стальные»[15], которые апробированы многолетним и многократным опытом Америки.

Однако при обсуждении этого принципиального вопроса с известным французским специалистом по железобетону, инженером Э. Фрейсине[16] было выяснено, что возможно строительство железобетонного каркаса, который

будет в 2-3 раза дешевле, чем стальной, но при условии применения исключительно высоких качеств цемента, специальной арматуры и особых приемов производства работ[17].

В заключении комиссия предложила привлечь американскую фирму «Моран и Практор» для ознакомления на месте площадки с грунтами и установления выбора системы фундаментов и глубины заложения основания».

При изучении технической стороны внутреннего обустройства проекта здания, представленного советскими архитекторами, от американских специалистов последовало несколько замечаний, которые коснулись новейших установок, обеспечивающих в помещениях Дворца устройств, предназначенных для отопления и вентиляции («кондиционированный воздух»), этот пункт в проекте не был практически разработан.

Мрамор по решению комиссии являлся прекрасным материалом для наружной облицовкой Дворца Совета, так как «осмотр Вашингтона, где целый ряд правительственных зданий, построенных и находящихся в постройке, облицован мрамором» и при суровых климатических условиях был устойчивым. Поэтому предлагалось закупить по одному из различных станков, а также пригласить одного из крупных конструкторов-изобретателей практиков по постройке камнеобрабатывающих машин Вагнера.

А «в целях ознакомления с американскими материалами предлагалось поручить Постоянной Всесоюзной Строительной выставке организовать экспозицию лучших заграничных материалов и технологии их изготовления».

При разработке проекта внутреннего транспорта Дворца Советов предлагалось принять схемы конструкций американской техники для этого «необходимо было поставить перед Наркомтяжпромом вопрос об освоении производства новейших американских лифтов большой скорости», но только если «такое производство экономически целесообразно», а если «будут сложности в производстве», то проект ... необходимо подвергнуть американской консультации».

Несмотря на то, что еще не было начато строительство здания, уже имелись предложения по организации питания во Дворце по «принципам, рекомендуемым американской стороны, т.е. с наибольшей механизацией процессов приготовления, транспортировки и отпуска пищи, что существенно сокращает требуемые площади», поэтому необходимо «устроить показательную кухню к кондитерии американского типа в Москве в одном из вновь сооружаемых общественных зданий»[18].

Изучив все материалы по введению новых методических установок, в мастерских Строительства были сооружены новые типы буровых снарядов для взятия проб грунта. Экспертная комиссия по основаниям и фундаментам Дворца Советов в заключении от 15 марта 1936 г. дала следующую оценку проведенной работе: «Строительство провело исключительно большую работу по исследованию грунтов и проектированию фундаментов; проведение этой работы было Строительством построено как на использовании новейших достижений мировой техники, так и на ряде новых научных построений и практических приемов, предложенных и проведенных в жизнь работниками Строительства»[19].

Однако на совещании по геологии и инженерной 10 марта 1938 г., ученые пришли к мнению, что «прежде чем закладывать фундамент, свойства грунта площадки Дворца Советов следует подвергнуть испытаниям пробных нагрузок»[20].

Строительство Дворца Советов превратилось в самостоятельную хозяйственно-экономическую и научно-исследовательскую отрасль. В этой системе функционировали специальные лаборатории по разработке отдельных материалов: «стали Д.С.», «кирпича Д.С.», действовали механический и керамзитобетонный заводы. В специализированной лаборатории образцы облицовочных материалов, среди которых был и мрамор, подвергались тщательным испытаниям на морозоустойчивость применительно к атмосферным условиям московского климата. Для внешних работ предполагалось подобрать

долговечные отделочные камни, и как указывалось в научных отчетах, «в этом направлении ведутся поисковые работы».

Однако предложения зарубежных архитекторов остались без внимания и «немедленного заложения оснований центральной части Дворца Советов» не произошло. «Памятники эпохи социализма» оттягивали все средства, отвлекали от насущных, жизненно важных задач, а тем более, американские технические разработки требовали еще больших материальных вложений. К тому же по идеологическим соображениям советское правительство не могло принять помощь американских специалистов в строительстве «здания, которое должно было явиться эмблемой грядущего, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе...» [21].

К концу 1939 г. успели вырыть огромный котлован и зарыть в землю арматуру из специальной стали. В 1941 г. строительство было приостановлено и уже не возобновлялось. После Великой Отечественной войны продолжением идеи строительства монументальных зданий стали высотные здания.

Примечания

1. Рабинович М.Д. Реконструкция Москвы в годы сталинских пятилеток. М.1947.С.74.

Жуков Ю.Н. Память Отечества: сохранение культурно-исторического наследия в СССР.М.1988. С.66.

2. РГАСПИ. Ф.81. Оп.3. Д.187. Л.63.

3. Цит. по: Степанян Н.С. Искусство России XX века. Взгляд из 1990-х.М., 1999. - С.144.

4. Щусев А.В.. Москва будущего //Красная Нива. 1924. № 17. С.417.

5. ЦГАМО. Ф.4557. Оп.1. Д.227. Л.223-226

6. Архитектура Дворца Советов : Материалы V пленума правления Союза советских архитекторов СССР 1—4 июля 1939 г. М., 1939. С.7.

7. Там же. С.9.

8. Там же. С.7.

9. Попов Б.П., Рубинштейн А.Л., Чаповская Л.Л. Исследование грунтов на строительстве Дворца Советов / Геология в реконструкции г. Москвы. М-Л. : Изд-во Акад. наук СССР , 1938. С.259.
10. Архив РАН. Ф.526. Оп.1(1938). Д.39. Л.10.
11. Терцаги, К. Основания механики грунтов : переводное издание / К. Терцаги ; пер. с англ. А. В. Макаров; ред. пер. с англ. Д. П. Крыкин. М. : Н.К.П.С.Транспечать, 1926. 85 с.
12. Попов Б.П., Рубинштейн А.Л., Чаповская Л.Л. Исследование грунтов на строительстве Дворца Советов /сб. ст. Геология в реконструкции г. Москвы. М-Л. : Изд-во Акад. наук СССР , 1938. С.261.
13. РГАСПИ. Ф.81. Оп.3. Д.192. Л.124.
14. Там же. Д. 184. Л.4
15. Там же. Д.185. Л.45-47.
16. Эжен Фрейсине (13 июля 1879 — 8 июня 1962) — французский гражданский инженер, мостостроитель, один из изобретателей преднапряжённого железобетона. - [Электронный ресурс]. - Электрон. дан. – [Москва, 2016]. – Режим доступа: <http://famous.totalarch.com/taxonomy/term/1> [15.09.2018]
17. РГАСПИ. Ф.81. Оп.3. Д.185. Л. 47.
18. Там же. Л. 47-52 .
20. Попов Б.П., Рубинштейн А.Л., Чаповская Л.Л. Исследование грунтов на строительстве Дворца Советов /сб. ст. Геология в реконструкции г. Москвы. М-Л. : Изд-во Акад. наук СССР , 1938. С.260.
21. Архив РАН. Ф.526. Оп.1 (1938).Д.38.Л.54.

С.В. Ашмарина

Идиллия Г.А. Гапона и реальность (по материалам воспоминаний)

Георгий Аполлонович Гапон личность известная в отечественной истории. Будучи человеком деятельным и увлеченным, отец Гапон был отличным оратором и организатором, что подтверждает автобиография священника [1].

Книга под названием «TheStoryofMyLife» сначала была издана в Лондоне в 1905 г., а в 1918 г. опубликована в России под названием «Записки Георгия Гапона. (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов)». Она полна эмоций человека только что пережившего самые сложные и опасные моменты своей жизни. Отражает мысли, настроения, идеи и идеалы Г.А. Гапона, с одной стороны, а с другой - описывает жизненные ситуации, с которыми столкнулся священник, а они противоречили его представлениям о христианском мироустройстве.

Уже детские воспоминания о родной Полтаве, как о красивом крае, контрастировали с тяготами крестьянского быта в сознании Георгия. Много, со слов священника, ему было дано через общение с родителями. От отца передался простой, определенный взгляд на вещи и дружелюбное отношение к людям, как и знания о несправедливостях со стороны власти по отношению к крестьянам. А на выбор его жизненного пути очень повлияла мать - бедная безграмотная крестьянка из религиозной семьи, которая приходила на помощь соседям, как «истинно добрая женщина», «доброе создание», но при этом была строга и деспотична дома, а в памяти сына осталась просто «запутавшейся птицей»[2]. Так не раз происходило и в жизни самого Георгия. Дух религии хоть с детства и захватывал его (он даже молился и каялся в воображаемых грехах), но действительность не раз заставляла колебаться в отношении выбранного служения. Он учился в духовном училище, в семинарии и всюду искал светлые добрые чистые истины, но сталкивался с нелицеприятными вещами - с доносами, лицемерием, формализмом; с церковнослужителями, у которых очевидным образом слова расходились с делом. Хотел жить как Сергей Радонежский «всегда согласно тому, как проповедовал, в любви к ближнему и всепрощении»[3]. Стремился к простору, свободе и чистоте мысли, без ритуалов и предрассудков, пребыванию на лоне красивой природы в размышлениях. Задумывался об идеальной жизни в монастыре по Священному Писанию, но обстоятельства и люди, которые встретились на его жизненном пути, рассеяли иллюзии отца Гапона и вернули его в общественную жизнь, в сторону служения народу. На этом пути активную роль сыграла его жена – друг и соратник

разделявший взгляды Георгия (она скончалась от болезни). Гапон встал перед новым выбором: затеряться в науке, чтобы научиться помогать народу или продолжить академическое духовное образование, чтобы приблизить церковь к нуждам народа. Судьба, в которую верил Гапон, повела его по пути церковного служения. Облачив в рясу, она дала ему возможность свободно общаться с людьми. Помогать и быть собеседником, вожаком своей паствы, морально укреплять, наконец, способствовать правильному выстраиванию отношений между трудом и капиталом, пользуясь возможностью обращаться к власти имущим, которым этого в действительности не было нужно. И всюду была его вера в то, что услышат, поймут и жизнь народа изменится в лучшую сторону. Духовная Академия давала Гапону право получить такие места службы, которые позволяли всецело посвятить себя работе среди рабочего класса.

Рабочие, при почтительном отношении к ним Гапона и его отвращении к праздности, представлялись Георгию Аполлоновичу той сплоченной трудовой массой, которой он мог быть полезен. Под напором обстоятельств, имея практический склад ума, Гапон буквально стал одержим идеями миссионерства в отношении рабочих. В рамках столичных городов, с очевидными жизненными трудностями, бытовыми проблемами, низким уровнем жизни, трудовая организация, по мысли Гапона, должна была помочь добиться улучшения положения рабочих. Окраины Петербурга со сборищами бездомных безработных людей, побудили Гапона попытаться вернуть их с улицы к честной и порядочной жизни, путем искреннего доброжелательного отношения к ним попробовать возродить утраченную веру в себя. Но многие, оказавшиеся на дне, в действительности уже привыкли к такому образу жизни и довольствовались щедрыми подаваниями. Гапон предлагал устроить рабочие дома в городах, а в деревнях, по их образу и подобию, рабочие колонии на трудовом воспитании, кооперативные предприятия с искоренением эксплуатации как явления. Однако власть была глуха к предложениям священника.

Он активизировал роль церкви в деле участия в жизни населения. Церковь должна была стать, по проекту Гапона, духовным и нравственным центром для

рабочих и крестьян. Гапон желал приблизить церковь к народу, сделать помощь народу задачей церкви. Но официальная церковь ограничилась традиционными проповедями и отстранилась от идей Гапона. А отец Гапон был против проповедей с целью удержания народа в страхе и повиновении, подпитывая людские суеверия. Связь церкви с рабочими представлялась Гапону как двусторонняя с обратным характером взаимодействия. Он был за истинное и искреннее общение.

На том же принципе представлял и саму организацию рабочих, но это не «рабочие дома», которые образовали власти, не «организации взаимопомощи» инициированные сверху или зубатовские - «полицейские». Гапон ратовал за истинную организацию рабочих. Его детищем стало «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. СПбурга». На страницах своих воспоминаний он говорит о целях и задачах своей организации, рассказывает о чайных, как центре рабочего досуга. В этой организации рабочих Гапон нашел дело всей своей жизни и готов был всего себя посвящать данной работе. По воспоминаниям Георгия Аполлоновича, он испытал счастливые минуты жизни, обустроивая и руководя Собранием. Он хотел дать людям солидные познания, расширить кругозор, научить самостоятельно думать и действовать для того, чтобы укрепить в русском рабочем национальное самосознание и укоренить идею самопомощи.

Изначально веря в царя и полагаясь на мудрость власти, как и окружавшие его рабочие, Гапон идеализировал Государя. Образ Николая II сложился во многом благодаря знакомству Гапона с Елизаветой Нарышкиной – доброй, умной благотворительницей, одной из наиболее приятных дам высшего света, как считал отец Гапон. Видя искусственную жизнь салонов придворной знати, как и церкви лишенной жизни, при ее превращении в религиозно-бюрократический департамент, Георгий Аполлонович противопоставлял это реальным нуждам народа. В действительности он видел массу бедствий народа и прямо пропорциональные репрессивные меры правительства. Факты из жизни заставляли Гапона задуматься не только об улучшении экономического

положения рабочих, но и пойти дальше: задуматься о существующем политическом строе. В этом вопросе у Гапона были свои предпочтения и идеалы. Они были связаны с ограничением самодержавия по типу английского. Но это не являлось основным и первостепенным требованием. Главным оставалось улучшение жизненного уровня рабочих и всего трудового народа мирным путем. Созданием трудовой организации, по мысли отца Гапона, можно было добиться большего, чем столкновениями рабочих с полицией. «Если сплотить массу рабочих и научить ее отстаивать свои интересы, то громадное влияние это оказало бы на улучшение условий труда в России» [4] - считал Гапон. Он не хотел использовать рабочих в чьих-либо целях в качестве противовеса силам, оказывающим влияние на Государя, и считал, что Николай II постоянно находится под чьим-либо влиянием. Гапон стремился к диалогу народа с Государем, при своем посредничестве. Он считал своим преимуществом перед революционерами, с одной стороны, открытость в контактах с властью, а с другой, более тесное, масштабное общение с народом как священнослужитель. Он до последнего надеялся на мирный характер задуманного дела. Но выступление 9 января 1905 г., вошедшее в историю страны как Кровавое воскресенье явилось крахом надежд, уничтожением всяческих иллюзий и личной трагедией Гапона. Была исчерпана сама возможность мирного решения проблем. Стала очевидна необходимость поворота к вооруженному решению рабочих вопросов, что сблизило Гапона с революционерами. Ранее контакты с ними были временными, по обстоятельствам, и не приветствовались самими рабочими в Собрании. Январские события, когда мирная демонстрация с церковными хоругвями, портретами царя и петицией двигалась к царскому дворцу, а рабочие, как малые дети, по воспоминаниям Гапона, хотели поплакать на царском плече, и кровавая расправа над безоружными, нарядными людьми расстрелянными и битыми прикладами, – прервала нравственную связь народа с Государем. Доверие навсегда исчезло.

После событий Кровавого воскресенья Гапон еще надеялся на исправление зла - на наказание виновных в расстреле рабочих и присоединившихся к ним. Но

этого не последовало. Гапон раскаивался, признавая ошибку, цена которой была так велика. Он не желал кровопролития и до конца верил в мирный исход событий. После произошедшего, у него появилось осознание того, что он ничего не смог сделать для народа: улучшить материальное положение людей, дать голос в собраниях, сделать, наконец, счастливее - для дальнейшего нравственного и религиозного воспитания. Скрываясь от преследования, он бежал за границу, но желал вернуться, чтобы снова возглавить и повести за собой, однако его место заняла революционная интеллигенция. Революционеры воспользовались уцелевшей частью гапоновской организации для пропаганды своих идей, впрочем, как в свое время зубатовскими организациями пользовался сам Гапон, воплощая в жизнь свое представление о свободе и благоденствии рабочих посредством организации «Собрания фабрично-заводских рабочих».

Примечания

1. Гапон Г.А. Записки Георгия Гапона (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов). М., 1918. 104 с.
2. Гапон Г.А. Записки Георгия Гапона (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов). М., 1918. С. 10-11.
3. Там же. С. 19.
4. Там же. С. 32.

М.О. Болотина

Реализация Государственным музейно-выставочным центром «РОСФОТО» национальной программы сохранения фотодокументов, входящих в состав государственных архивов Российской Федерации.

Одна из глобальных проблем, которую решают все цивилизованные страны и мировое сообщество в целом, - это обеспечение доступности визуальной информации и сохранение фотографических фондов. «Директивы международных действий по сохранению библиотечных материалов», принятые

на Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1986 г., предусматривают создание в каждой стране национальной программы обеспечения сохранности библиотечных фондов. Такие программы разрабатываются и успешно реализуются в США, Франции, Италии, Голландии, Англии, Швейцарии, Дании, Бельгии, Германии, Дании, Швеции.

Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО был основан в 2002 г [1]. РОСФОТО осуществляет деятельность по всем направлениям актуальной проблематики, связанной с фотографией и изображением: выставочные и научно-исследовательские программы в области визуальной культуры. В своей деятельности Центр активно сотрудничает с авторитетными международными музейными и архивными организациями и культурными институтами, с российскими музеями и архивами.

В государственных собраниях Российской Федерации хранится огромное количество фотографических памятников, составляющих примерно треть музейного и значительную часть архивного фонда страны. Сложные задачи, связанные с проблемами сохранения и использования фото фондов, решаются в рамках единой Национальной Программы. С 2008 г. Государственный музейно-выставочный центр «РОСФОТО» исполняет функции научно-методического центра по реализации Программы сохранения фотодокументов, входящих в состав государственных фондов Российской Федерации [2]. Работа по Программе осуществляется в сотрудничестве с профессиональными российскими и зарубежными организациями, имеющими коллекции в составе музейного, библиотечного, архивного фонда.

Целями Программы является формирование и проведение целенаправленной государственной политики в сфере сохранения и использования фотографических фондов; координация действий государственных учреждений по собиранию, учету, сохранению и использованию фотографических фондов.

Программа сохранения фотодокументов решает следующие задачи: разработка нормативной базы и методического обеспечения всех направлений

деятельности, связанных с сохранением фото фондов; создание системы единого общегосударственного учета фотографических фондов; обеспечение нормативных условий хранения и организация комплексной системы безопасности фотографических фондов страны; подготовка специалистов в области хранения и консервации фотографических коллекций.

В рамках Программы РОСФОТО проводит мониторинг коллекций фотографии и выездные консультации в музеях и архивах по всей России, осуществляет технико-технологическое исследование фотодокументов, разработку систем нормализации хранения фотодокументов и обеспечения пользовательского доступа к изображениям, специальных методик биологической и биохимической защиты и обработки. Осуществляется разработка методик и технологий консервации и реставрации, которые позволят оптимально решать проблемы сохранности любой российской музейной коллекции, частного собрания или архива фотографий и негативов.

В рамках Программы сохранения с 2008 г. РОСФОТО были разработаны и подготовлены опытные образцы оборудования для нормализации условий хранения фотодокументов на различных носителях, предложены основы каталогизации фото фондов и принципы формирования Реестра особо ценных объектов хранения фотографических фондов Российской Федерации. Ряд научных проектов РОСФОТО направлен на расширение доступа и введение в научный оборот фотографических фондов, находящихся на хранении в российских музеях, архивах и библиотеках.

В частности, одним из проектов РОСФОТО, направленных на расширение знаний о составе и содержании фотографических коллекций, хранящихся в российских музеях, архивах и библиотеках, является анкетирование. По результатам анкетирования планируются мероприятия федеральной Программы (выездные консультации, осуществление лабораторных исследований фотоматериалов, проведение учебных программ, распространение методических материалов, обеспечение специализированными материалами для архивного хранения и т.д.).

За время реализации Программы сохранения фотодокументов, входящих в составы государственных фондов Российской Федерации, был проведен мониторинг государственных коллекций более чем в 110 музеях, архивах и библиотеках страны, который показал, что для правильной, научно обоснованной организации хранения фотографических коллекций не хватает не только средств, но и профессиональных навыков и знаний. Фотография является сложным объектом музейного хранения, что требует от хранителей фото фондов наличия специфических знаний и опыта. Поэтому одной из важнейших задач Программы сохранения стала организация повышения квалификации сотрудников российских музейных и архивных учреждений, хранящих фотографические коллекции. Обучение хранителей фото фондов проходит в виде практических консультаций, семинаров, стажировок с участием ведущих российских и зарубежных специалистов.

За время проведения Программы рабочей группой РОСФОТО было проведено более 40 семинаров по идентификации, хранению и консервации фотодокументов. В ходе семинаров музейные и архивные работники получают не только теоретические знания, но и практические навыки, работая с предметами из экспериментального фонда лаборатории реставрации и консервации фотодокументов РОСФОТО. За время проведения Программы в обучающих семинарах приняли участие более 800 человек.

С 2010 г. РОСФОТО проводит выездные обучающие семинары в различных регионах Российской Федерации, что позволяет максимально расширить состав и количество участников обучения. Рабочая группа РОСФОТО при выезде в регионы оснащается необходимым портативным оборудованием и предметами экспериментального фонда для проведения не только теоретических, но и практических занятий. Организация таких семинаров проходит при участии региональных органов управления культурой и архивным делом, что позволяет на базе одного из наиболее крупных музеев или архивов собрать представителей всех других музейных и архивных учреждений региона. Тот факт, что выездные семинары собирают до 60 участников, говорит не только

об эффективности такой формы обучения, но и о дефиците образовательных программ и курсов повышения квалификации среди музейных работников.

С 2012 г. реализуется образовательная программа для реставраторов. Острая нехватка знаний и опыта в сфере консервации и реставрации фотодокументов привела к обеспечению значительной востребованности этого направления профессиональной подготовки. За пять лет длительные стажировки прошли 12 специалистов из федеральных и региональных музеев и архивов.

В настоящее время РОСФОТО является крупнейшим отечественным методическим центром в области работы с фотографическими объектами музейного и архивного хранения. Специалистами РОСФОТО подготовлен и издан целый ряд методических пособий по работе с фотодокументами [3]. Большим спросом среди музейных и архивных сотрудников пользуются также переводы трудов ведущих иностранных специалистов в области сохранения и использования фотографических коллекций, подготовленные и изданные на базе Государственного музейно-выставочного центра «РОСФОТО» [4].

В рамках Программы сохранения фотодокументов проводится консультирование хранителей фото фондов, главных хранителей и директоров музеев в стенах РОСФОТО и на местах. После участия в Программе сохранения музейные и архивные учреждения остаются постоянными партнерами РОСФОТО и получают методическую помощь в организации работы по нормализации условий хранения и расширению доступа к фотографическим коллекциям.

За время реализации Программы сохранения была проведена работа по консервации более 5000 единиц хранения фото фондов по всей России, обеспечены пакетом материалов для первичной консервации особо ценных фотодокументов и нормализации условий хранения более 40 музеев Российской Федерации. Лаборатория технико-технологических исследований РОСФОТО провела более 50 анализов упаковочных материалов, на основании которых многие музеи смогли приобрести материалы для хранения и консервации фотодокументов из высококачественного бескислотного материала.

Одной из важнейших задач Программы сохранения фотодокументов является расширение доступа к фотографическим коллекциям. Ежегодно РОСФОТО проводит международную конференцию «Фотография в музее», которая неизменно привлекает специалистов со всей страны. Конференция посвящена изучению фотографических коллекций, находящихся на государственном хранении. Это уникальное мероприятие всегда проходит с участием иностранных коллег из Европы и Америки. По итогам каждой конференции РОСФОТО издает иллюстрированные сборники докладов [5]. В настоящий момент благодаря работе конференции в научный оборот введены около 200 музейных, архивных и библиотечных фото коллекций. Конференция «Фотография в музее» стала международной площадкой для обмена опытом в изучении фото фондов, хранящихся в российских музеях, архивах и библиотеках. Конференция собирает представителей различных профессий в культуре и музейном сообществе для определения отношения к фотографическому изображению в современных музейных практиках, формирования и обсуждения круга актуальных проблем и современных технологий и информационного обмена.

Благодаря Программе сохранения РОСФОТО имеет возможность пригласить докладчиков даже из самых отдаленных регионов страны. В дальнейшем сборники докладов конференции «Фотография в музее» должны стать основой для создания научного справочного издания по государственным фотографическим коллекциям Российской Федерации.

Не меньший интерес представляет и ежегодная конференция «Фотография. Изображение. Документ», также проходящая в рамках Программы сохранения культурного наследия. Конференция посвящена проблемам новых технологий изучения и экспертизы фотодокументов. В ней участвуют специалисты из самых разных областей знания. По итогам конференции РОСФОТО также издает иллюстрированные сборники [6].

В соответствии с Программой методические материалы по хранению, консервации реставрации фотодокументов, которые издает РОСФОТО, безвозмездно передаются российским музеям и архивам.

Организация повышения квалификации музейных и архивных сотрудников, создание единой методической базы, взаимодействие Государственного музейно-выставочного центра «РОСФОТО» с музейными, архивными и библиотечными учреждениями нашей страны по вопросам научной организации хранения, учета и использования фотографических коллекций, консервации и реставрации фотодокументов, за десять лет реализации Программы сохранения, дало ощутимые положительные результаты. Модернизация систем хранения фотодокументов произошла не только в музеях Санкт-Петербурга и Москвы, но и во многих региональных музеях и архивах. Во многих музеях были созданы фото фонды с обособленным хранением. Многие музеи и архивы приступили к научному описанию своих фотографических коллекций и к их углубленному изучению.

Помимо научно-исследовательских изданий РОСФОТО ведет публикаторскую деятельность. Коллективом проведена большая работа по выявлению, сбору и анализу данных о дагерротипах, находящихся на хранении в российских музеях, архивах и библиотеках. Крупнейшим изданием последних лет стал каталог «Дагерротип в России», в котором был воплощен опыт по созданию первого общенационального свода особо ценных фотографических памятников [7]. В основу издания лег материал, собранный Государственным музейно-выставочным центром «РОСФОТО» в ходе многолетней кропотливой работы по реализации Национальной Программы сохранения фотодокументов, входящих в состав государственных фондов Российской Федерации. Именно как часть этого масштабного проекта задумано издание многотомного сводного каталога, работа над которым продолжается уже более семи лет.

РОСФОТО проводит активную экспозиционную деятельность в своих выставочных залах в центре Санкт-Петербурга и в других городах и регионах России и за границей (около 20 выставок ежегодно). Как музейная организация

РОСФОТО в основном показывает выставки, значимые для изучения и представления истории визуальной культуры, в том числе собственные исследовательские проекты, представляющие фотографию в контексте исторических событий и искусствоведческих исследований. В залах РОСФОТО экспонируются работы известных мастеров и молодых одаренных художников. Для других регионов России РОСФОТО готовит и организует путешествующие выставки.

В РОСФОТО имеет и постоянно пополняет свою коллекцию уникальных фотографических материалов (свыше 30 000 единиц хранения), иллюстрирующих эволюцию мировой и российской фотографии, технологий, художественных стилей, фотографической техники.

Существенную часть коллекции РОСФОТО составляют целостные собрания фотодокументов, в частности, собрание русской исторической и краеведческой фотографии конца XIX – начала XX столетия, собрание портретной фотографии той же эпохи. Важным направлением формирования коллекции РОСФОТО является собирание изображений, выполненных в старинных и редких техниках. В собрание произведений конца XIX – начала XX века входят основные имена, значимые для истории фотографии. В собрании фотографии второй половины XX века представлены работы наиболее известных ленинградских и московских фотографов.

Значение фотодокументов как исторического источника трудно переоценить. С изобретением фотографии у представителей общества появилась уникальная возможность изучать свое прошлое не только основе традиционных письменных документов, но и визуализировать ее, запечатлеть в истории себя и свой быт. Фотография несет в себе информацию, которая не может быть передана другими видами источников, и в этом заключается ее непреходящее значение.

Сохранение фотодокументов, сохранение визуального наследия прошлого – сложная задача, требующая ресурсов, квалификации и призвания. Данная задача может быть выполнена только в тесном взаимодействии и сотрудничестве

государственных хранилищ и специалистов-профессионалов в области обеспечения сохранности и реставрации фотодокументов в рамках реализации и дальнейшего развития Национальной Программы сохранения фотодокументов, входящих в состав государственных фондов Российской Федерации. Государственный музейно-выставочный центр «РОСФОТО» выступает как организатор Программы, методический и образовательный центр, является площадкой для общения музейного сообщества, связанного с хранением и использованием фотографического наследия нашей страны.

Примечания

1. Официальный сайт Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО. Официальная информация. Документы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rosphoto.org/wp-content/uploads/2016/07/Prikaz-o-sozdanii.pdf>(дата обращения 10.09.2018).
2. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. Документы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mkrf.ru/documents/o_programme_sokhraneniya_fotodok354026/(дата обращения 10.09.2018).
3. Рекомендации по работе с фотодокументами, входящими в составы государственных фондов Российской Федерации / Гос. Музейно-выставочный центр «РОСФОТО». СПб., 2012; Идентификация, хранение и консервация фотоотпечатков, выполненных в различных техниках / Гос. Музейно-выставочный центр «РОСФОТО». СПб., 2013.
4. Лаведрин Б. Руководство по профилактической консервации фотографических коллекций [Текст] : [в 2 т.] / Бертран Лаведрин при участии Жана-Поля Гандольфо и Сибиль Моно ; [пер. с фр.: И. И. Потапов]. СПб: РОСФОТО, 2013.
5. См.: Фотография в музее. Сборник докладов международной конференции. СПб.: РОСФОТО, 2012; 2013; 2014; 2015; 2016; 2017 гг.
6. Фотография. Изображение. Документ. СПб: РОСФОТО, Вып. 1 (2010), 2 (2011), 3 (2012), 4 (2013), 5 (2014), 6 (2015).

7. Дагеротип в России : [сводный каталог] / общ.ред. и сост. Е.В. Бархатова, А.В. Максимова, Т.Г. Сабурова. – В 4 тт. СПб: РОСФОТО, 2014 -2016.

Горбанёва Е.А.

Происхождение и социально-культурное значение фотодокументов по истории балет второй половины XIX–начала XXвв. на примере документов РГАЛИ

Одной из проблем при изучении аудиовизуальных документов как объекта хранения является необходимость расширения представления о хранящихся в архивах, библиотеках и музеях документах и рассмотрения их особенностей. Отдельный интерес при этом представляют фотодокументы, в частности, фотодокументы по истории балета. Они могут служить источником для изучения презентации человеческого тела, театрального костюма, эволюции техник съемки и пр. В данной статье из опыта изучения фотодокументов по истории балета второй половины XIX – начала XX вв., отложившихся в фондах РГАЛИ, будут продемонстрированы некоторые информационные возможности таких фотодокументов с точки зрения анализа их происхождения и культурно-феноменологической оценки.

Из проанализированного массива фотодокументов РГАЛИ по истории балета (более 400 снимков за 1840-е – 1917 гг.) около 90% оказались фотопортретами артистов балета. Помимо технологии съемки, не позволяющей запечатлеть движение, это связано также с приспособлением жанра фотопортрета к социальным и экономическим условиям, коммерциализацией его: знаменитостям стали платить за право их сфотографировать, а для них самих большой тираж фотографий служил эквивалентом успеха [1]. На начальном этапе такие фотопортреты создавались в фотоателье. Соответственно, при анализе фотодокументов по истории балета нужно также исследовать стандартный набор реквизитов фотоателье (рисованные фоны, балюстры,

помогающая удерживать позу мебель, головодержатели и т.п.). Фотографии в ролях из разных спектаклей могли быть сделаны в один день. Съемки артистов обычно занимали по несколько часов, костюмы, аксессуары, грим они приносили с собой и уже в фотоателье переодевались и красились.

При изучении обозначенных фотодокументов необходимо привлекать знания не только по истории фотографии, но и по истории балета. Каждый фотодокумент отражает свою эпоху с главенствующим в ней стилем. Например, в 1840-е – 1860-е гг. танцовщицы изображали неземных существ, сильфид и виллис, в 1860-е – 1880-е гг. из их образов исчезает легкость, «производимое ими впечатление — такие же уютные, как наши прабабушки в кринолинах» [2], а в начале XX века эта легкость возвращается, но в новом качестве элегической грусти или стилизации.

На стыке истории балета и истории фотографии находится тема театральной фотографии. В Российской Империи с 1860-х гг. появился институт «фотографов Императорских театров». Фотографам это звание давало право официально фотографировать артистов и продавать их изображения, а утверждавшей их в нем Дирекции Императорских театров – определенное количество качественных и бесплатных снимков [3]. Фотопортреты служили рекламой спектаклей и артистов. В Петербурге в 1863 г. звание «фотографа Императорских театров» получил К.И. Бергамаско, в 1865 г. Л.И. Бутмирович. Причем, между ними существовало разграничение полномочий: первый специализировался на съемке иностранных артистов, а второй – на русском балете. В Москве звание «фотограф Императорских театров» получили в 1864 г. Ф. Бюро, в 1868 г. М.Н. Конарский, в 1872 г. И.Г. Дьяговченко, в 1890-е гг. К.А. Фишер. Часто театральные фотографы были связаны с артистами театра семейными узами или сами происходили из артистических семей. Существование официального звания, личная связь с театром и практическая работа, приносившая стабильный доход, - эти факторы повлияли на то, что театральная фотография существовала «совершенно отдельно»[4]. Из-за отсутствия законодательного регулирования вопросов авторского права

(соответствующий закон был принят только в 1911 г.) фотографы могли копировать создаваемые друг другом изображения и продавать их как свои собственные [5].

В конце XIX в. в многих театрах организуются собственные съемочные павильоны. В качестве примера здесь стоит привести павильон Большого театра, в котором была сделана значительная часть фотодокументов РГАЛИ за этот период. Первые опыты съемки балета «Волшебные пилюли» Р.Ю. Тиле 1880-х – 1890-х гг. были признаны пожароопасными из-за магниевой вспышки. Эксперименты в этой области продолжались вплоть до конца 1890-х годов, пока не удалось получить первые удачные результаты с использованием электрической лампы [6]. Эта инициатива поддерживалась балетмейстером А.А. Горским. Съемки сцен из спектаклей происходили во время генеральных репетиций из зрительного зала, артистов заставляли замереть на несколько секунд, обычно в конце акта. В балете это момент парадного портрета всей труппы. Под сценой в Большом театре располагался съемочный павильон, куда артисты спускались сразу после генеральных репетиций, еще «в образе».

Далее следует коснуться еще двух аспектов, важных для исследования фотодокументов по истории балета. Во-первых, это обильное использование в этих фотодокументах различных аксессуаров, грима, ретуши. Фотографы активно применяли как техническую ретушь ластиком и карандашом по негативу, так и художественную с акварелью, тушью и т.п. по готовому отпечатку. Такое украшение фотографий объясняется формулой «фотографировать рабов, рисовать господ» [7]. Действительно, преступников, дикарей, простых обывателей всегда старались передать на фотографии с документальной точностью, а знаменитостей, наоборот, отвести от нее. Это связано с тем, что знаменитости были ретрансляторами власти, существующих в обществе норм и ценностей. Подобным же образом сама структура большого балета была церемонией, изображающей «идеальную пирамиду идеального государства — мощного, цветущего, безупречно упорядоченного и сходящегося к царственной вершине: балерине» [8]. Во-вторых, фотография делала

институты власти и знаменитостей более «человечными». Покупая фотографии, люди стали чувствовать свою причастность к этим воображаемым сообществам, по-новому организовывали свое личное пространство, окружая себя фотографиями тех, к кому стремились [9].

Подводя итог всему вышесказанному, нужно отметить, что при исследовании такого важного источника для изучения театра, культуры, фотографии и пр., как фотодокументы по истории балета, особое внимание должно уделяться анализу их происхождения. Следует рассматривать специфику создания фотографий в фотоателье, «фотографами Императорских театров» фотографами, в съемочных павильонах театров. Все выводы были подкреплены изучением фотодокументов РГАЛИ по истории балета второй половины XIX – начала XX вв. Среди них из 400 снимков 90% представляют собой фотопортреты артистов балета. Поэтому при их изучении особенное внимание должно уделяться институту фотографии знаменитостей и существующим вокруг него социальным практикам. Только при учете всех этих аспектов исследование может претендовать на определенную полноту.

Примечания

1. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством. – СПб: Клаудберри, 2014. – 712 с.
2. Блок, Л.Д. Классический танец. История и современность. Серия: Русская мысль о балете. – М.: Искусство, 1987. – 556 с.
3. Бархатова Е.В. Русская светопись. Первый век фотоискусства 1839–1914. – СПб: Альянс – Лики России, 2009. – 400 с.
4. Напшельбаум М.С. От ремесла к искусству: искусство фотопортрета. – М.: Искусство, 1958. – 145 с.
5. Уйманен О.Ф. Фотография второй половины XIX – начала XX в. в культурном наследии России. [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fotografiya-vtoroy-poloviny-xix-nachala-xx-veka-v-kulturnom-nasledii-rossii> (дата обращения: 16.03.2017)

6. Светопись Большого. [Электронный ресурс] // Большой театр. – URL: <https://www.bolshoi.ru/about/press/articles/2013/2729/> (дата обращения: 16.03.2017)
7. Шурипа С. Рец. на кн.: Петровская Е. Антифотография. – М.: Три квадрата, 2003. – 112 с. // Журнальный зал. – URL: <http://magazines.russ.ru/km/2005/1/shu33.html> (дата обращения: 16.03.2017)
8. Ковалик О. Повседневная жизнь балерин русского императорского театра. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 576 с.
9. Нуркова В. В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. – М.: РГГУ, 2006. – 287 с.

М.М. Жукова

Документы личного происхождения как источник по истории отечественного телерадиовещания

Место источников личного происхождения (мемуаров, дневников, писем) в иерархии исторических источников является дискуссионным. С одной стороны, к ним охотно прибегают историки при изучении истории искусств, истории повседневности, неформальных взаимоотношений известных исторических деятелей. С другой стороны, в эпоху усложнения систем документации, при достаточно высокой степени формализации отношений между человеком и государством исследователи стараются отдавать предпочтение официальным документам, т.е. документам организаций, справедливо считая их более информационно емкими для изучения сложных социальных явлений, областей, которые требуют привлечения массовых данных, агрегирования значительных объемов информации.

При изучении развития такого достаточно сложного общественного явления, каким является телерадиовещание, которое возникло и функционирует на пересечении политики, идеологии, техники и искусства, возникает закономерный вопрос о целесообразности обращения к документам личного происхождения как полноправным источникам для изучения истории радио и

телевидения. Проблема заключается в том, что до сих пор все еще актуальной остается необходимость расширения источниковой базы по истории отечественного радио и телевидения, так как большинство исследователей в этой области – преимущественно журналисты – в своих работах опираются на ограниченный корпус источников, на предшествующие публикации по теме, а также на личный опыт и опыт коллег, которые были свидетелями и участниками развития телерадиовещания. В целом обращение к архивным документам в историографии по истории радио и телевидения является скорее исключением, чем правилом.

Изучение истории радио и телевидения и сохранившихся источников по данной теме показывает, что обращение к документам личного происхождения (документы фондов работников и руководителей телерадиовещания, опубликованные мемуары и творческие заметки) наиболее оправданно при решении нескольких исследовательских задач.

Первой задачей является дальнейшее изучение истории отечественного телерадиовещания первых двух десятилетий его функционирования (1920-1930-е гг.). Привлечение документов личного происхождения в качестве источников в данном случае позволяет компенсировать крайне неудовлетворительную степень сохранности других видов источников. Эта характеристика прежде всего применима по отношению к официальным документам (документам организаций), которые были утрачены после начала ВОВ: во время эвакуации Радиокomiteта из Москвы была уничтожена практически вся творческая документация (тексты теле- и радиопрограмм), переписка, планово-отчетная документация комитета [1]. В свою очередь, аудиовизуальные документы, как источник для изучения периода 1920–1930-х гг., также не являются репрезентативными, поскольку сохранилось лишь несколько десятков фондо документов с записью радиопередач этого периода [2], а аудиовизуальные документы первых лет работы советского телевидения практически не сохранились из-за того, что запись программ прямого эфира и съемка с монитора демонстрируемых в эфире кино документов тогда еще не был освоена (первые

кинодокументы отечественного телевидения, сохранившиеся в российских архивах, относятся к концу 1940-х гг.).

В данном случае именно источники личного происхождения (архивные документы, опубликованные мемуары творческих работников) позволяют изучить кадровую политику на радио и телевидения в условиях отсутствия профессионального журналистского образования в стране, практику работы дикторов радио в прямом эфире в условиях цензуры 1930-х гг., складывание отечественной школы радиорежиссуры и т.д.

К наиболее ценным источникам следует отнести воспоминания диктора Всесоюзного радио Н.А. Толстой «Внимание, включаю микрофон» [3], «Из записок диктора» [4], фрагментарные заметки диктора Ю.Б. Левитана, который пришел на радио в конце 1920-х гг. [5], документы фонда личного происхождения режиссера Всесоюзного радио Р.М. Иоффе в РГАЛИ [6].

Количество опубликованных мемуаров, в которых работники радио вспоминают работу в годы ВОВ, значительно больше [7]; вместе с тем, официальные документы по истории радио 1941–1945 гг. сохранились достаточно хорошо, поэтому в целом значение мемуаров и творческих заметок как источника снижается.

Вторая исследовательская задача, в ходе решения которой целесообразным представляется привлечение документов личного происхождения, это изучение советской практики управления телерадиовещанием и кадровой политики.

В советский период телерадиовещание прежде всего было сферой политики и идеологии и использовалось властью как наиболее эффективное средство агитации, пропаганды, воспитания масс; такие его неотъемлемые компоненты, как творчество и техника, были напрямую подчинены политико-идеологическим задачам. В связи с этим весьма актуальным является изучение механизмов принятия решений, мотивации кадровых перестановок, причин эволюции программной политики, изгнания из эфира некоторых творческих деятелей и т.д.

Как правило, официальные документы фиксируют конечное решение партии, органа управления, описывают формальную сторону дела, поэтому для изучения не отраженных в официальных документах аспектов истории радио и телевидения необходимо привлекать документы личного происхождения, прежде всего, мемуары руководителей телерадиовещанием.

В целом данный корпус источников крайне скуден: советские руководители либо не писали мемуаров, либо делали это с помощью литературных помощников в полном соответствии с актуальной линией партии, отчего их мемуары многословны, но и малоинформативны. Остается только жалеть, что, по-видимому, так и не были написаны мемуары С.Г. Лапина, председателя Гостелерадио СССР эпохи застоя, чье имя является символом телерадиоэфира развитого социализма.

В такой ситуации особое значение приобретают мемуары его предшественника – Николая Николаевича Месяцева, руководившего Гостелерадио СССР в период 1964–1970 гг. Особенно важен тот факт, что Н.Н. Месяцев прожил долгую жизнь и работал над мемуарами в постсоветский период, не будучи скованным партийными установками.

Воспоминания Н.Н. Месяцева существуют в двух формах: письменной и аудиовизуальной. На сегодняшний день известны видеомемуары Н.Н. Месяцева длительностью почти 8 часов (записаны в 1992 и в 2007 гг.), а также два издания мемуаров под названием «Давно пережитое» [8] и «Горизонты и лабиринты моей жизни» [9].

К сожалению, установить достоверно, кто являлся инициатором записи видеомемуаров Н.Н. Месяцева 1992 г., не представляется возможным; в 2007 г. видеосъемка была осуществлена по инициативе Гостелерадиофонда, который в 2000-е гг. в рамках инициативного документирования регулярно осуществлял запись воспоминаний ветеранов советского телевидения [10]. Съемки в 1992 и 2007 г. осуществлялись, по-видимому, дома у Н.Н. Месяцева, документы представляют собой практически не подвергнутые монтажу видеофонограммы с

записью синхронной монологической речи Н.Н. Месяцева с рассказом о прошлом.

Так как Н.Н. Месяцев занимал высокие посты в советской властной иерархии. До назначения председателем Гостелерадио СССР был секретарем ЦК ВЛКСМ, а затем заместителем заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В своих мемуарах он затрагивает широкий спектр вопросов: участие в Великой Отечественной войне, работа в ЦК ВЛКСМ, дипломатическая служба, руководство телерадиовещанием. Наряду с воспоминаниями Н.Н. Месяцев также рассуждает о преимуществах социалистического строя, о фундаментальных основах советской цивилизации [11].

Опубликованные мемуары по содержанию в целом совпадают с видеомемуарами, при этом издание 2000 г. является фрагментом мемуаров, изданных в более полной версии позже, в 2005 г., и посвящено только истории работы Н.Н. Месяцева в Гостелерадио СССР.

Наиболее интересными фрагментами его воспоминаний являются: история его назначения на пост после смещения Н.С. Хрущева, проектирование и строительство Останкинской башни, подготовка на радио и телевидении к празднику День Победы в 1965 г., когда годовщина победы впервые после окончания ВОВ отмечалась торжественно и широко.

Изучение мемуаров Н.Н. Месяцева особенно перспективно в совокупности с документами его личного фонда в РГАСПИ [12].

Среди документов фонда преобладают тексты выступлений и докладов Н.Н. Месяцева на заседаниях различных руководящих органов, предвыборных собраниях и торжественных мероприятиях, в которых наряду с общеполитическими вопросами затронуты вопросы строительства Останкинской башни, организации хранения кино- и фонодокументов радио и телевидения, подготовка к 50-летию Октябрьской революции, организация контрпропаганды на радио и телевидении и т.д. Также в фонд включены тексты статей и интервью Н.Н. Месяцева, вырезки из газет, экземпляры отраслевых изданий с его

публикациями и несколько писем, авторами которых были, в частности, режиссеры Г.В. Александров, С.Н. Колосов, литературовед и ведущий И.Л. Андроников, поэт Е.А. Евтушенко. Также в составе фонда содержатся фотодокументы, запечатлевшие Н.Н. Месяцева на официальных мероприятиях (во время зарубежных командировок, на совещаниях, в кулуарах XXIII съезда КПСС и т.д.).

Состав документов свидетельствует о том, что Н.Н. Месяцев включил в фонд только документы о своей служебной деятельности периода активной работы на государственной и партийной службе. В нем отсутствуют документы о частной жизни Н.Н. Месяцева, а также документы периода второй половины 1990–2000-х гг., а также рукописи мемуаров, так как документы были переданы Н.Н. Месяцевым в архив в 1993-1995 гг., а мемуары, по-видимому, были написаны позже.

В целом, документы фонда Н.Н. Месяцева позволяют уточнить факты его биографии периода работы в Гостелерадио СССР, раскрывают его позицию как руководителя в отношении таких вопросов, как десталинизация, идеологическое противостояние с капиталистическими странами. Они фиксируют его реалистичную оценку уровня технического развития советского радио и телевидения 1960-х гг. При этом изучение опубликованных мемуаров Н.Н. Месяцева и документов его фонда не дает ответа на вопрос о причинах его отставки в 1970 г. В связи с этим можно только предполагать, что замена Н.Н. Месяцева на С.Г. Лапина ознаменовала закат эпохи оттепели в СССР после Пражской весны 1968 г.

Наряду с изучением механизма управления советским радио и телевидением использование документов личного происхождения является перспективным для исследований по истории реформирования телерадиовещания в России в конце 1980 – начале 1990-х гг.

Дело в том, что исследователь, изучая историю телерадиовещания указанного периода, сталкивается с проблемой, аналогичной той, что актуальна при изучении периода 1920–1930-х гг., а именно: малодоступность

источниковой базы. Если документы 1920–1930-х гг. почти не сохранились, то документы современного периода практически недоступны для исследователей, так как телерадиокомпании и их документальные фонды полностью закрыты для изучения.

Кроме того, остается актуальным изучение тех вопросов истории радио и телевидения, которые не находят отражения в официальных документах. К ним, в частности, относятся идеологическое противостояние между союзным руководством и руководством РСФСР на рубеже 1980–1990-х гг., отношения между Б.Н. Ельциным и руководителями крупнейших телерадиокомпаний, кулуарная борьба и приватизация эфира в преддверии президентских выборов 1996 г. и т. д.

В данной ситуации источники личного происхождения снова приобретают особое значение, так как именно в мемуарах и творческих заметках государственных деятелей, руководителей телерадиокомпаний и журналистов раскрываются причины тех или иных событий, мотивация важнейших решений в сфере телерадиовещания. Среди наиболее ценных источников следует назвать воспоминания министра печати и информации РФ М.Н. Полторанина «Власть в тротиловом эквиваленте» [13], одного из последних председателей Гостелерадио СССР Л.П. Кравченко «Как я был телевизионным камикадзе» [14], первого председателя Всероссийской государственной телерадиокомпания О.М. Попцова «Хроника времен царя Бориса» [15], генерального директора ВГТРК А.Г. Лысенко «ТВ живьем и в записи» [16]. А так как все перечисленные источники относятся к одному времени создания и сходны по тематике (создание российского радио и телевидения и крушение советской государственной системы телерадиовещания), то их комплексный сравнительный анализ представляется весьма перспективным.

Наконец, работая с источниками личного происхождения на современном этапе, исследователю необходимо помнить, что все большее значение приобретают источники нетрадиционной формы – видеомемуары, звуковые воспоминания, представленные как самостоятельные документы либо как

фрагменты, включенные в телерадиопрограммы и документальные фильмы, поэтому одной из актуальных проблем становится поиск и выявление таких документов, а также их изучение в сравнении с письменными источниками.

Примечания

1. Горяева Т.М. Радио России: политический контроль советского радиовещания в 1920-1930-х годах: документированная история / Т.М. Горяева. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 32.
2. Коляда В.А. «Есть звуки, их значение...» / В.А. Коляда. – М.: РГГУ, 2008. – С. 80–82.
3. Толстова Н.А. Внимание, включаю микрофон! / Н.А. Толстова. – М.: Искусство, 1972. – 223 с.
4. Толстова Н.А. Из записок диктора / Н.А. Толстова. – М., 1965. – 106 с.
5. Левитан Ю.Б. Несколько памятных мне мгновений / Ю.Б. Левитан // Юрий Левитан. 50 лет у микрофона. – М.: Искусство, 1987. – С. 167 – 198.
6. РГАЛИ. Ф. 3086. Иоффе Роза Марковна (1907-1966) – режиссер радиотеатра.
7. Радио в дни войны: Очерки и воспоминания видных военачальников, известных писателей, журналистов, деятелей искусства, дикторов радиовещания. – 2-е изд., доп. и переработ. – М.: Искусство, 1982. – 303 с.
8. Месяцев Н.Н. Давно пережитое / Н.Н. Месяцев. – М.: ИПК, 2000. – 96 с.
9. Месяцев Н.Н. Горизонты и лабиринты моей жизни / Н.Н. Месяцев. – М.: Вагриус, 2005. – 623 с.
10. Кузнецов Г.В. Видеомемуары: о прошлом ради будущего / Г.В. Кузнецов // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2003. – № 3. – С. 88–96.
11. Воспоминания Н.Н. Месяцева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newstube.ru/media/vospominaniya-predsedatelya-gosteleradio-sssr-nikolaya-nikolaevicha-mesyaceva-chast-1> (дата обращения 01.04.2019).
12. РГАСПИ. Ф. М–43. Месяцев Николай Николаевич.

13. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса / М.Н. Полторанин. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. – 512 с.
14. Кравченко Л.П. Как я был телевизионным камикадзе / Л.П. Кравченко. – М.: АИФ Принт, 2005. – 256 с.
15. Попцов О.М. Хроника времен «царя Бориса» / О.М.Попцов. – М.: Совершенно секретно, 2000. – 541 с.
16. Лысенко А.Г. ТВ живьем и в записи / А.Г. Лысенко. – М.: ПРОЗАиК, 2011. – 587 с.

Е.В. Злобин

Первые публикации о первом компьютере в мире (как вновь открывали Колоссус)

Публикации последних двух-трёх десятилетий могут привести к пересмотру официальной истории создания первых компьютеров в мире, изложенной в большинстве учебников информатики. Связано это с воссозданием и последующим полным рассекречиванием (именно в такой последовательности) английского компьютера Колоссус, применявшегося для дешифровки сообщений верховного немецкого командования, использовавших шифратор Лоренц (Lorenz), с 1943 г. и использование которого по оценке генерала Дуайта Эйзенхауэра, приблизило окончание Второй мировой войны по меньшей мере, на два года. По некоторым данным участников событий было расшифровано до 90% перехваченных сообщений немецкого верховного главного командования, всего около 64 000 [1]. Колоссус стал не просто первым компьютером, но и первым мелкосерийным компьютером в мире - к 1945 году было построено и круглосуточно (чтобы снизить риски преждевременного выхода электронных ламп из строя) эксплуатировалось 12 машин, которые обслуживало более 300 специалистов. Для сравнения - один из первых советских компьютеров Стрела при примерно однопорядковом количестве электронных ламп - 6000 при 2500 у Колоссуса - был построен десятью годами позже и всего

в 7 экземплярах. После войны компьютеры Колоссус были разломаны, вся документация по ним была уничтожена, и наиболее полно она сохранилась только в архивах ЦРУ, которое на правах «большого брата» наблюдало за работой английских дешифровщиков.

Официальное рассекречивание всех материалов произошло только в 2007 г. уже после того, как Тони Сэйл (TonySale) восстановил первый компьютер в Блечли-Парке, самом секретном месте Великобритании времен Второй мировой. В своей брошюре [2] Тони Сэйл писал, что приступил к работе по восстановлению первого в мире компьютера в 1993 г. имея крайне ограниченный набор материалов: восемь разрозненных фотографий Колоссуса (оказалось, кстати, что часть негативов отпечатано неправильно - с зеркальным отображением) военного времени (1945 г.); несколько записок разработчиков, датированных 80-ми годами (спустя сорок лет!) и фрагменты принципиальных схем, которые были нелегально сделаны некоторыми инженерами, работавшими на компьютере.

Остановимся подробнее на записках создателей первой в мире ЭВМ, опубликованных в «Анналах по истории компьютеринга» (AnnalsoftheHistoryofComputing), которые издаёт известное общество IEEE (InstituteofElectricalandElectronicsEngineers или I triple E — «Ай трипл и») - Институт инженеров электротехники и электроники. В списке источников в своей брошюре Тони Сэйл указывает только две статьи (год приводится им ошибочно - на самом деле этот выпуск сборника трудов вышел в 1983 году, а не в 85), а в этом специальном сборнике Анналов всего было опубликовано три, то есть по существу, большая часть этого выпуска была посвящен Колоссусу. В настоящее время все статьи находятся в режиме платного доступа с сайта по одинаковой цене в 19 \$ вне зависимости от объёма и значимости материала.

В статьях достаточно подробно описаны архитектура [3], основные схемотехнические решения [4], техническое обслуживание первого в мире компьютера [5]. Открывала выпуск статья Томаса Флауэрс (ThomasFlowers), главного разработчика Колоссуса, который дожил до восстановления своего

детища. Его довоенный опыт с использованием электронных переключателей в телефонных станциях оказался крайне полезным при конструировании первого компьютера. В Блечли-парк он был направлен в 1942 г.

Первоначально в целях определения предполагаемого положения колёс немецкого шифратора была сконструирована электронно-механическая машина Робинсон, на которой проводились эксперименты с двумя бумажными телетайпными лентами по 5000 и 1000 символов каждая. По каждым совпадающим символам рассчитывались взаимные частоты встречаемости, затем меньшая лента сдвигалась на один символ и расчёты повторялись. Идея Флауэrsa заключалась в том, чтобы заменить вторую ленту электронным генератором псевдослучайных чисел. Поначалу мысль о создании устройства на электронных лампах была встречена со скептицизмом, но Флауэрс сослался на свой опыт работы с переключающими устройствами для телефонии, которые успешно функционировали, постоянно находясь во включенном состоянии. В итоге в Колоссусе применялась только одна бумажная лента и скорость считывания выросла до 5000 символов в секунду в сравнении с 2000 у Робинсона. А т.к. обработка велась параллельно пятью процессорами, то скорость обчёта составляла уже 25 000 символов в секунду.

В статье достаточно подробно описывается логическая структура первого компьютера, взаимодействие его отдельных элементов. Не всегда дешифровка сообщений была удачной. Это могло быть вызвано ошибками при перехвате, приёме и записи. В этом случае предпринимались попытки расшифровать отдельные части сообщения. Декодировщик, которого в современной терминологии можно было бы назвать программистом, с помощью штекеров и переключателей менял направления потоков данных и последовательность их обработки с целью достижения наилучшего результата.

Несмотря на то, что в машине использовалась одна лента, лентопротяжные механизмы использовались от Робинсона рассчитанные на две ленты. Что позволяло экономить время на их перезарядку, осуществляя зарядку второй перфоленты во время просчёта первой. На каждой бумажной ленте длиной чуть

более 6 метров (Флауэрс в статье пишет о 200 футах, нам кажется, он ошибается ровно в 10 раз) помещалось до 25 000 символов.

В статье Алена Комбса (AllenCoombs) приводятся конкретные схемотехнические решения, примененные при конструировании отдельных узлов и блоков первого компьютера: сумматор по модулю два, регистр сдвига, пятиразрядный счётчик, выполненные на электронных лампах – триодах и пентодах. Приводятся также принципиальные схемы с указанием напряжений на отдельных элементах. Указываются номиналы резисторов, перечисляются основные проблемы, с которыми столкнулись инженеры при конструировании этих ламповых устройств. В частности, необходимость развязки паразитных влияний каскадов друг на друга и пр. Указан и такой интересный факт – для обеспечения стабильной работы компьютера, устойчивого взаимодействия отдельных его элементов необходимо было применение резисторов с допуском по номиналу не более $\pm 10\%$. В 1943 г. единственно возможным было найти сопротивления с допусками $\pm 20\%$, при этом в течение полугода эксплуатации их номинал мог измениться примерно на 5% в ту и в другую сторону. Это приходилось учитывать для обеспечения устойчивого переключения цифровых модулей на электронных лампах.

Самая небольшая по объёму статья В. Чандлера (W. Chandler) посвящена техническому обслуживанию компьютеров. Техническую подготовку специалисты проходили в специальном учебном центре, затем прибывали в Блечли-Парк и формировали команды для круглосуточного обслуживания компьютеров. После первого запуска компьютера первоначально начинали выходить из строя электронные лампы, при этом сгоревшие лампы были легко заметны, вследствие чего их замена не составляла труда. После трех-четырёх недель работы выход из строя электронных ламп становился достаточно редким явлением и компьютеры работали без сбоев. Компьютерная периферия – электрические пишущие машинки, носители бумажной ленты требовали обычного обслуживания.

Таким образом, следует признать, что, несмотря на достаточно полное и подробное описание общих принципов построения компьютера, принципиальные схемы его отдельных устройств, информации, содержащейся в первых опубликованных статьях авторов совершенно секретной разработки, было явно недостаточно для полного восстановления работающего варианта. Тем значимее огромный вклад инициатора восстановления Колоссуса Тони Сэйла, который сумел совершить настоящий технический и научный подвиг, сумев вернуть Великобритании славу родины первого компьютера.

Примечания

1. Captain Jerry Roberts. Lorenz. Breaking Hitler's top secret code at Bletchley Park. The history Press, The Mill, Brimscombe Port, 2017. - P. 19.
2. Tony Sale. The Colossus Computer 1943 – 1996. M&M BALDWIN, Cleobury Mortimer, Shropshire, 2014. - P. 17.
3. T. H. Flowers. The Design of Colossus. - Annals of the History of Computing. - 1983 - Vol. 5 - P. 239-252.
4. A. W. M. Cooms. The Making of Colossus. - Annals of the History of Computing. - 1983 - Vol. 5 - P. 253-259.
5. W. W. Chandler. The Installation and Maintenance of Colossus. –Annals of the History of Computing. - 1983 -Vol. 5 -P. 260-262.

Илизаров С.С.

Вторая институционализация истории науки: к 75-летию создания Института истории естествознания АН СССР

О появлении профессии «историк науки» в более или менее точном смысле можно говорить никак не ранее XX столетия. При этом, начиная с XVIII в., происходил процесс зарождения и формирования в России данной исследовательской области, ее постепенного социального признания и затем, в конце XIX – начале XX в., дисциплинарного оформления. История истории

науки и история профессии «историк науки» полны противоречий и парадоксов, периодов активного роста, полного разрушения, возрождения и т.д.

Еще в самом конце XIX в., когда история науки только начала выделяться в особую научную дисциплину, В.И. Вернадский увидел в ней специальную, самостоятельную область научного знания со своими специфическими проблемами, задачами и методами. Известно, что В.И. Вернадский считал историю науки своей второй специальностью, и им были созданы замечательные историко-научные исследования. Его соратник и коллега, академик А.С. Лаппо-Данилевский шел своим путем к изучению истории науки и стал не только основателем первой в Академии наук исследовательской ячейки, но автором ряда основополагающих трудов [1, 2, 4]. Однако работа А.С. Лаппо-Данилевского, В.И. Вернадского и других ученых в области истории науки была почти всегда делом исключительно их личной инициативы; выполнялись эти исследования параллельно с основными научными занятиями, и это не являлось для них в строгом смысле профессией.

Первые формы в процессе институционализации историко-научных изысканий стали выкристаллизовываться в России синхронно с западноевропейскими странами на рубеже XIX–XX вв. Первый в России центр по истории науки – академическая подкомиссия «Русская наука», давшая первый опыт совместной коллективной историко-научной работы. В начале 1917 г. под председательством А.С. Лаппо-Данилевского оформился состав подкомиссии «Русская наука». В коллектив входили около шестидесяти специалистов – историки, естествоиспытатели, математики, филологи, востоковеды и т.п. Тогда же был составлен предварительный план работ по подготовке и изданию большого коллективного труда – сборника «Русская наука». Целью сборника являлась характеристика важнейших научных проблем, которые ставились и решались русскими учеными в течение последних двух веков, тех результатов, которых они достигли, и тех очередных задач, какие они намечают в ближайшем будущем в различных отраслях науки. [3, 4].

Со смертью А.С. Лаппо-Данилевского фактическая деятельность созданной им подкомиссии прекратилась. Таким образом, историко-научное пространство на первом этапе своего развития в России не успело оформиться, и о профессии «историк науки» в этот период говорить не приходится. Только с возвращением весной 1921 г. В.И. Вернадского в Петроград начался новый этап. С именем В.И. Вернадского связаны как организационное оформление в Академии наук исследовательского центра – Комиссии по истории знаний (КИЗ), так и создание исследовательской программы изучения истории науки. Разрабатывая свою концепцию, он опирался на передовой отечественный и мировой научный опыт, предвидел основные направления и линии развития историографии XX столетия и придавал истории науки огромное значение как мощному средству просвещения и гуманизации общества, как важнейшему инструменту развития и прогресса самой фундаментальной науки. Благодаря его усилиям и усилиям ряда других крупнейших русских ученых в нашей стране сохранялись научная традиция и преемственность. Поэтому даже в изменившихся коренным образом после революции социокультурных условиях удавалось проводить работу по формированию сообщества историков науки и техники, по формированию отечественной историко-научной школы.

В связи с длительной зарубежной командировкой лишь после возвращения В.И. Вернадского из-за границы в 1926 г. КИЗ возобновила активную исследовательскую и публикаторскую работу. При этом надо отметить, что первые годы Комиссия не имела ни штатных сотрудников, ни ассигнований, и даже листаж для изданий «выбивался» личным авторитетом ее председателя. Несмотря на все малоблагоприятные обстоятельства, последовательная и целенаправленная деятельность КИЗ за два с небольшим года стала настолько заметной, что уже в августе 1929 г. заместитель председателя Комиссии И.Ю. Крачковский писал: «Неуклонно расширяющаяся и углубляющаяся деятельность КИЗ ставит на очередь вопрос о превращении КИЗ в большую должным образом оборудованную организацию – Научно-исследовательский институт по истории знаний с рядом отделов по истории

отдельных научных дисциплин» [5, с. 283]. Эта же мысль вскоре прозвучала в записке В.И. Вернадского, направленной 16 марта 1930 г. в Президиум АН СССР [5, с. 308–309].

После того как в 1930 г. КИЗ возглавил академик Н.И. Бухарин, произошел переход на методологию марксизма, в результате чего получил развитие социальный подход к изучению истории науки. Довольно быстро Н.И. Бухарину удалось преобразовать КИЗ в Институт истории науки и техники (ИИИТ). В период репрессий, чисток и реорганизаций научных и учебных заведений Институт ненадолго стал пристанищем для ряда талантливых ученых. В институте были развернуты исследования по истории техники, химии, физики и математики, биологии, агрокультуры, истории Академии наук и др.

В рассматриваемый период исследовательская деятельность в области истории научно-технических знаний разворачивалась и в других организациях и учреждениях; так, к примеру, было в Комакадемии, в различных структурах которой к тому времени уже работали несколько ученых, представлявших собой ныне почитаемых наиболее выдающихся и наиболее профессионально компетентных историков науки. Среди них были М.Я. Выгодский, Б.М. Гессен, З.А. Цейтлин, С.А. Яновская, Т.И. Райнов, В.П. Зубов, С.Л. Соболев, Э.Я. Кольман, А.П. Юшкевич, С.И. Вавилов, О.А. Старосельская-Никитина и др. Однако разразившиеся в 1936 г. обвальные разрушительные процессы, как сегодня очевидно, вполне закономерные для того типа тоталитарного режима, который был создан к этому времени в нашей стране, привели и к уничтожению Комакадемии, и к первому закрытию ИИИТ. Последовавший затем перевод Института из Ленинграда в Москву лишь продлил агонию и всю ситуацию довел до абсурда. Москва не была готова быстро наполнить опустевшие стены ИИИТ достаточным количеством профессиональных кадров, тем более в условиях массового террора и публичной травли института. Кадровая чехарда и заполнение образовавшегося вакуума «кем попало» вели к темам мелким и пустым.

В развитии истории науки и техники, как области профессиональной деятельности, во второй половине XX столетия, в отличие от первой половины, не было столь трагических и разрушительных событий – безвинной казни первых директоров и нескольких научных сотрудников Института истории науки и техники АН СССР; насильственного (вопреки желанию руководства Академии наук) закрытия ИИИИТ и, как следствие, полного разрушения едва сформировавшегося профессионального сообщества историков науки и техники. Однако путь, пройденный историей науки и техники, после разрешенного верховной властью возобновления в 1944/45 г. и до настоящего времени, наполнен драматическими событиями, угрозами существованию, идеологическим и цензурным гнетом, ограничением и запретами на разработку исследовательских тем, унижением личности научного сотрудника, волонтаристскими и несправедливыми решениями, искалеченными судьбами...

Последним директором ИИИИТ, окончательно закрытого 5 марта 1938 г., был Б.Г. Кузнецов – наверное, самый активный деятель среди советских историков науки XX столетия, движимый собственными мотивами и обладавший для этого соответствующими опытом и компетенциями. Для него история науки стала, по его собственному выражению, «первой любовью» [6, с. 84]. Верность этой любви он пронес через всю жизнь и, судя по всему, именно Кузнецов, оставаясь в тени, совершил невозможное – пусть в чрезвычайно усеченном виде, по сравнению с ИИИИТ, и очень непростым путем добился воссоздания в системе АН СССР исследовательского историко-научного института. Решение этого вопроса обсуждалось и принималось на наивысшем государственном уровне, когда вечером 13 ноября 1944 г. в Кремле в течение часа (18-45–19-45) проходила беседа президента АН СССР академика В.Л. Комарова и И.В. Сталина. В ходе встречи и была дана верховная санкция на открытие в Академии наук исследовательского института по истории науки. Приведу соответствующий фрагмент из краткой записи этой беседы:

«КОМАРОВ. Теперь я хочу поделиться с Вами мыслями о развитии такой важной отрасли науки, как история естествознания... Я хочу познакомить

Вас с письмом, которое направили мне старейшие русские ученые академики В.И. Вернадский и Н.Д. Зелинский. Они просят меня организовать Институт Истории естествознания и возглавить этот институт.

Кроме того, было бы чрезвычайно полезно выпустить периодический сборник, посвященный истории естествознания “Научное Наследство”, с тем, чтобы печатать там исследования и документы по истории науки. У меня есть конкретные предложения о направлении работ и персональном составе Института Истории естествознания, который я хочу Вам представить» [7, л. 3–4].

Как видно, В.Л. Комаров озвучил три основных тезиса: 1. Разрешение на открытие Института истории естествознания и руководство им; 2. Разрешение на издание сборника «Научное наследство»; 3. Одобрение проекта положения о направлении работ открываемого института и о его персональном составе. Памятуя о событиях 1937–1938 гг. – трагической судьбе Н.И. Бухарина, приведшей к уничтожению ИИНТ, становится понятно, почему вопрос о воссоздании в какой-либо форме историко-научного центра не мог быть положительно решен ни Президиумом АН СССР, ни ЦК ВКП(б), ни СНК СССР, а потребовалась личная санкция верховного правителя. Если для Комарова созданием ИИЕ и директорским постом решались вопросы собственного местопребывания после оставления кресла президента АН СССР, а также задачи трудоустройства ряда близких ему людей, то Сталин, давая согласие на открытие института, имел в виду, прежде всего, важное воспитательное (идеологическое) значение этой области, особенно, как он подчеркнул в ходе беседы с президентом Академии наук, для молодежи. Как показали развернувшиеся вскоре идеологические кампании сороковых годов и, прежде всего, борьба за так называемые отечественные приоритеты чуть ли не во всех областях научно-технического развития человечества, для истории техники и науки была уготована специфическая обслуживающая, точнее говоря, постыдно-обслуживающая функция.

Вскоре после этой встречи, имевшей решающее значение для судеб истории науки в нашей стране, СНК СССР 22 ноября 1944 г. принял

соответствующее Постановление. В нем наряду с определением целей и задач нового института, утверждался также состав Ученого совета, в который вошли во главе с В.Л. Комаровым крупнейшие ученые того времени – В.И. Вернадский, Н.Д. Зелинский, С.И. Вавилов, В.А. Обручев, А.Н. Крылов, В.П. Волгин, Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, Л.А. Орбели, Л.С. Берг и др. При этом в Ученом совете значились только два профессиональных историка науки – Б.Г. Кузнецов (в качестве заместителя директора) и Т.И. Райнов. Насколько известно, это был единственный случай утверждения Ученого совета историко-научного института специальным правительственным актом. Соответствующее решение Президиума АН СССР состоялось 9 февраля 1945 г.

Как следует из приведенного текста записи беседы Комарова со Сталиным, поводом для обсуждения вопроса о создании ИИЕ послужила записка Вернадского и Зелинского. По свидетельству Б.Г. Кузнецова, кроме этих двух академиков документ должны были также подписать В.А. Обручев и Н.А. Морозов, но последний заболел и не сумел поставить свою подпись [8, с. 134–135]. Судя по ряду косвенных данных и устным свидетельствам, инициатором, организатором и автором текста данного обращения был Б.Г. Кузнецов, входивший в окружение В.Л. Комарова. Он, безусловно, больше других хотел воссоздать в какой-либо форме Институт истории науки, рассчитывая, и не без оснований, со временем возглавить его. Б.Г. Кузнецов понимал, что надо торопиться и использовать свою близость к президенту и другим упомянутым академикам (В.И. Вернадский и В.Л. Комаров вскоре, в 1945 г., уйдут из жизни, Н.А. Морозов – на следующий год).

В рассматриваемом контексте особый интерес представляет второй абзац записи этой беседы, в котором президент Академии наук ставил вопрос о целесообразности выпуска продолжающегося археографического сборника «Научное наследство». Этот проект, начатый Т.И. Райновым под руководством В.Л. Комарова еще в 1939–1940 гг. и продолженный в начале войны, становился, как видно, одним из главных приоритетов в планах нового института и де-факто получил одобрение верховного руководства СССР. Более того, Комаров,

планируя визит к Сталину и готовя вопрос об открытии ИИЕ, за месяц до того провел переговоры с Райновым [9].

Особое место Т.И. Райнова как крупнейшего историка науки понималось тогда многими. Так, руководитель Московской группы Института востоковедения Н.И. Конрад 25 марта 1945 г. в письме к историку Н.В. Пигулевской однозначно высказывался на этот счет: «Тимофей Иванович... привлечен сейчас во вновь организованный (вернее организуемый) Институт истории естествознания и практически является там единственным человеком, который может дело наладить» [10, с. 281]. В.Л. Комаров в 1945 г. подписал характеристику Т.И. Райнова, в заключительной части которой отмечалось: «Обладая исключительной эрудицией, он бесспорно является одним из виднейших историков науки в СССР» [11, л. 2].

17 января 1945 г. Т.И. Райнов, якобы совершенно неожиданно для себя, распоряжением, подписанным президентом Академии наук В.Л. Комаровым, оказался назначенным старшим научным сотрудником Института истории естествознания (ИИЕ) АН СССР. Своеобразие ситуации заключалось в том, что строго юридически ИИЕ был открыт решением Президиума АН СССР лишь 9 февраля 1945 г., и таким образом Райнов стал первым научным сотрудником формально еще не существовавшего института.

Б.Г. Кузнецов, будучи официально заместителем директора при утомленном и совсем нездоровом В.Л. Комарове, фактически в первое время исполнял должность директора; абсолютное большинство приказов по ИИЕ подписано им.

В период весны–лета 1945 г. в штат ИИЕ влились В.П. Зубов, А.П. Юшкевич, П.А. Новиков и О.А. Старосельская-Никитина (коллеги Т.И. Райнова еще по Комакадемии), а также были зачислены Б.А. Воронцов-Вельяминов, И.Н. Веселовский, Г.Ф. Рыбкин, Я.Г. Дорфман. Еще один историк науки – Б.Е. Райков, так же, как ранее Т.И. Райнов, стал сотрудником ИИЕ специальным распоряжением президента АН СССР. Как видно, достаточно быстро удалось собрать исключительно высококвалифицированный и

продуктивный коллектив профессиональных историков науки. На 1 октября 1945 г. в ИИЕ было 37 научных сотрудников, из них 7 докторов наук.

Первые два года существования ИИЕ, в целом, прошли относительно спокойно. Важным событием стали кончина первого директора, академика В.Л. Комарова, и назначение на эту должность физиолога, члена-корреспондента АН СССР Х.С. Коштойнца. Очевидно, при президентстве С.И. Вавилова у Б.Г. Кузнецова не было никаких шансов получить по праву ему принадлежавшее место директора института. Причины, по которым выбор пал на Коштойнца, не ясны, и насколько ему самому это было нужно – также не понятно. Возможно, получение директорского поста увеличивало его шансы на избрание в действительные члены, но, как показали последующие события, эти надежды оказались не реализованными. Правда, в 1947 г. Х.С. Коштойнец за свою книгу по истории физиологии в России, опубликованную годом ранее, был удостоен Сталинской премии второй степени, но этой же наградой в тот период отмечались выдающиеся научные труды и «рядовых» сотрудников.

Предварительные итоги первого этапа восстановительного периода в изучении истории научных знаний были подведены на Всесоюзном совещании по истории естествознания, проходившем 24–26 декабря 1946 г. И само совещание, и вскоре изданные труды рисовали организационную картину тогдашнего состояния историко-научных исследований: общая история естествознания (это в основном ИИЕ), история физики, математики, химии, биологии, геолого-географических наук (в соответствующих академических комиссиях). В работе совещания принимали участие не только историки Ленинграда и Москвы, но и Горького, Еревана, Тбилиси, Баку, Казани, Харькова, Львова и других научных центров [2, с. 92–93].

Внутреннее ощущение у историков науки того времени было относительно оптимистичным: история науки как исследовательская область восстанавливалась, хотя очень медленно и с большими трудностями. Прошло «нормальное» научное совещание, в опубликованных текстах докладов которого обычная советская риторика минимальна: лишь одна, довольно тусклая

дежурная фраза о попытках буржуазных историков умалить или умолчать роль русских ученых в развитии науки. Но такое благодушное положение уже не отвечало требованиям времени позднесталинского периода. В этом, очевидно, главная причина кризиса, поразившего только что возрожденную историю науки. Если ИИЕ в первый год существования располагал сорока пятью штатными единицами, то в 1946 г. – всего двадцатью тремя. Следующий, 1947 г. грозил стать последним для ИИЕ. Дело в том, что в 1947–1948 гг. в Академии наук СССР происходило одно странное и совершенно не описанное событие, в ходе которого ИИЕ готовилась печальная участь. Было принято решение о переводе института из Москвы в Ленинград, а такие операции в практике тех лет, по сути, означали ликвидацию. Недавно найденные документы полностью подтверждают эту мысль, впервые высказанную еще в 1993 г. [12, с. 21].

Кратко, история такова. В ответ на жалобы Президиума АН СССР в лице президента С.И. Вавилова и академика-секретаря Н.Г. Бруевича о нехватке помещений, 19 апреля 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление о перемещении ряда научных учреждений Академии наук из Москвы в Ленинград. Не рассматривая здесь вопрос – насколько реализация данного решения могла бы способствовать общему научно-техническому развитию, отмечу, что эта идея в полном виде не была реализована.

13 мая 1947 г. в адрес ряда академических учреждений была разослана информация с грифом «для служебного пользования», в которой содержался список предполагаемых к переезду институтов и давались соответствующие поручения. В документе перечислялись следующие учреждения, намеченные для перевода в Ленинград: Институт кристаллографии, Институт физиологии растений, Институт автоматики и телемеханики, Институт горного дела, Институт истории материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра, Институт русского языка, а также Геологический и Палеонтологический музеи и др. – всего 8 институтов, 2 музея и 2 лаборатории [13, л. 28–28а]. Для перемещаемых учреждений намечались конкретные здания в Ленинграде. Институт истории естествознания в первом варианте списка не значился.

Встретив активное сопротивление, С.И. Вавилов направил 13 мая 1947 г. записку—«бегунок» Н.Г. Бруевичу, в которой говорилось, что «придется обращаться в Совет Министров по вопросу об изменении списка переводимых институтов» [13, л. 35]. Дело в том, что в абсолютном большинстве ни руководство, ни ведущие научные сотрудники не соглашались покидать Москву. По прошествии двух лет после окончания войны Ленинград, переживший страшную катастрофу, представлял собой не самое благополучное место. К тому же такая крупная операция требовала решения массы административных вопросов: выселения из ленинградских зданий учреждений, находившихся там, и, соответственно, подбора для них других помещений; обеспечение жильем переселяемых ученых; огромных затрат на транспортировку оборудования, имущества и проч. В архивных делах сохранилось множество протестных писем руководителей институтов, и, судя по этим текстам, операция по их перемещению началась и проводилась втайне, без предварительного согласования и обсуждения. В итоге, 14 января 1948 г. в Академии состоялось распорядительное заседание, решения которого были оформлены Постановлением Президиума АН СССР о переводе к 1 марта 1948 г. в первую очередь Института кристаллографии, Московского отделения Института языка и мышления им. Н.Я. Марра, Геологического музея, Института русского языка, Лаборатории аэрометодов. В этот-то список и оказался вдруг совершенно неожиданно включен Институт истории естествознания. Вряд ли столь малое учреждение могло попасть в данное Постановление случайно. С учетом того, что создание ИИЕ было воспринято предельно негативно С.И. Вавиловым [14, с. 109, 148, 238], который также отрицательно относился к профессиональным историкам, включая историков науки, трудно искать иное объяснение, кроме как его личное решение о переводе (= упразднении) только-только возрождаемого института. Если такое предположение верно, то С.И. Вавилов не уловил тренд и не осознал той весьма значимой роли, которая была уготована истории науки и техники в разворачивавшейся тогда с невиданной силой внутренней идеологической войне. Впрочем, быстро развивавшаяся ситуация вскоре внесет

полную ясность, и сам Вавилов и добровольно, и по положению руководителя советской науки возглавит историко-научное движение, апофеозом которого станет Общее собрание АН СССР, проходившее в январе 1949 г. в Ленинграде.

Возвращаясь к Постановлению от 14 января 1948 г., отмечу, что руководители московских учреждений обязывались не позже 20 января представить соображения о необходимой служебной и вспомогательной площади, график переезда, потребность в упаковочном материале, вагонах, списки перемещаемых в Ленинград сотрудников и т.д. Важная деталь: для всех перемещаемых структур в Ленинграде готовились новые площадки размещения – кроме Института истории естествознания. Только 11 марта последовала реакция директора ИИЕ Х.С. Коштоянца. В небольшой записке на имя С.И. Вавилова он просил об освобождении от обязанностей директора Института истории естествознания, «растущее значение которого я оцениваю в полной мере» [13, л. 105]. Незамедлительным ответом Вавилова на это стала резолюция: «Прошу Вас сохранить руководство И–том впредь до окончательного решения вопроса о переезде И–та и подыскания Вам преемника. С.И. Вавилов. 11.II.1948 г.». 12 февраля копия резолюции Вавилова была направлена Коштоянцу. Судя по всему, заявление Коштоянца оказало воздействие на ситуацию и, как известно, ИИЕ избежал уготованной ему участи. Весной 1948 г., т.е. после обращения Х.С. Коштоянца к президенту, последовало устное указание от С.И. Вавилова о том, что Институт может продолжать существование.

Если история науки и техники во второй половине 1940-х гг., по ряду причин, выдвинулась на передовые рубежи идеологического фронта, то конец 1940-х годов прошел в не всегда явной борьбе между историками науки, представленными в основном сотрудниками Института истории естествознания, и историками техники, входившими соответственно в состав небольшой Комиссии по истории техники ОТН АН СССР. Эти процессы завершились созданием в 1953 г. на базе ИИЕ (путем слияния с Комиссией по истории техники) Института истории естествознания и техники АН СССР, венчавшим

второй реконструктивный период социальной институционализации истории научных знаний.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (Грант №19-011-00366).

Примечания

1. Илизаров С.С. История науки и техники: от зарождения исследовательского направления до формирования в России профессионального сообщества // Архив истории науки и техники / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Янус-К, 2010. Вып. IV (XIII). С. 5–91.
2. Илизаров С.С. Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901–2011. М.: Янус-К, 2012.
3. Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. документов. СПб., 2003. С. 637–659.
4. Илизаров С.С. А.С. Лаппо-Данилевский – историк науки // Архив истории науки и техники. М.: Янус-К, 2015. Вып. V (XIV). С. 63–102.
5. Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сборник документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003.
6. Кузнецов Б.Г. Встречи. М.: Наука, 1984.
7. АРАН. Ф. 277. Оп. 13. Д. 197.
8. Кузнецов Б.Г. Из прошлого истории естествознания в СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 4.
9. Гринина И.Р., Илизаров С.С. «Научное наследие» – старейшее серийное издание по истории науки // Отечественные архивы. 2016. № 1. С. 31–39.
10. Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996.
11. ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 7.
12. Илизаров С.С. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М.: Наука, 1993.

13. АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1947. Д. 401.

14 Вавилов С.И. Дневники, 1909–1951: В 2 кн. Кн. 2. М., 2012. Отношение С.И. Вавилова к истории и к истории науки в частности было несколько странным и его негативные оценки деятельности историков в большинстве своем абсолютно несправедливы.

Киселев М.Ю.

Изобразительные источники и звукозаписи в Архиве Российской академии наук: проблемы сохранности

Архив Российской академии (РАН) по праву признается одним из старейших и крупнейших архивохранилищ России, в котором хранятся фонды Академии наук и ее учреждений и организаций; фонды личного происхождения ученых; коллекции документов по истории науки и культуры XIX-XXI вв. В фондах личного происхождения и коллекциях отложились изобразительные источники, которые можно систематизировать на несколько разделов.

К первому разделу можно отнести художественные произведения, выполненные масляными красками. В разряде (коллекции) № XIV хранятся: портрет академика С.В. Лебедева кисти жены ученого народного художника РСФСР А.П. Остроумовой-Лебедевой (1933 г.); три портрета И.И. Мечникова кисти жены нобелевского лауреата О.Н. Мечниковой, переданные в архив в 1950 г.; неоконченный портрет президента АН СССР А.П. Карпинского кисти художника Н.Н. Беккера, переданный в архив его дочерью Е.А. Толмачевой-Карпинской в 1946 г.; картина народного художника России В.П. Псарева «Декабристы» с дарственной надписью, переданная в архив в 2016 г. [1].

Во второй раздел можно включить художественные произведения (рисунки, портреты, карикатуры, сатирические шаржи и т.п.), выполненные учеными карандашом, тушью, чернилами, акварелью, гуашью. Остановимся на отдельных художественных произведениях ученых: рисунок академика А.Н. Северцова зимою 1930 - 1931гг. в Бордигере "О старой англичанке, которая

болела и лечилась" [2]; рисунки академика М.А. Савельева (дружеские шаржи, карикатуры) [3]; рисунки члена-корреспондента К.Н. Федорова «Морские пейзажи» [4]; рисунки академика С.В. Бахрушина (автопортрет, шаржи) [5]; акварельные рисунки академика Е.А. Косминского "Они читают", "Братья - писатели", "Снохач" и другие [6].

Изобразительные произведения, относящиеся к научной деятельности ученых можно отнести к третьему разделу: рисунки И.И. Мечникова с надписями по внутриклеточному пищеварению низших беспозвоночных [7]; рисунки А.Н. Северцова чешуй разных форм рыб [8]; рисунки К.Э. Циолковского "Межпланетные путешествия" [9]; акварельные рисунки цветов к работам академика В.Л. Комарова [10]; рисунки академика П.П. Ширшова "Пресноводные водоросли, обитающие в реках Буге и Кодыме" [11]; альбом рисунков грунтов Карского моря, отложившийся в фонде академика Б.Л. Исаченко [12].

Необходимо отметить, что большая часть изобразительных материалов, относящихся к научной деятельности ученых, создавалась в 1885-1940 гг., поэтому первостепенное значение имеет проблема обеспечения их сохранности, с учетом того, что большинство из них являются по размерам нестандартными и крупноформатными. В частности, более ста рисунков И.И. Мечникова за 1885-1915 гг. наклеены на большие листы белой бумаги: для обеспечения их сохранности лабораторией реставрации Архива РАН был предпринят ряд мер по их консервации и специальной упаковке. Значительная часть изобразительных материалов хранится в специальных картонных упаковках, однако для обеспечения их сохранности необходимо специальное оборудование. В Архиве РАН имеются только два закрытых стеллажа для хранения документов А-0, что не удовлетворяет потребности архива в оборудовании. Кроме того, изобразительные материалы стандартного формата нуждаются в специальной упаковке, так как хранятся вместе с остальными документами фондов. Хотелось бы отметить тот факт, что значительная часть изобразительных материалов

переведена в электронный формат и размещена в разделе «Учет и каталог» информационной системы Архива РАН.

По нашему мнению, необходимо создание специальной базы данных об изобразительных материалах, хранящихся в Архиве РАН, с целью их учета, планомерной проверки наличия и принятия мер, в случае необходимости, для их реставрации, консервации и специальной обработки. Кроме того, возможно их выделение из состава документов фондов для обособленного хранения.

В разряде (коллекции) № IV сохранился кинофильм «Юбилейная сессия Академии наук СССР в Ленинграде» (к 220-летию Академии наук), снятый Ленинградской студией кинохроники в июле 1945 г. [13]. Режиссер С. Якушев, операторы Г. Симонов, Е. Учитель, В. Левитин, Б. Соркин; фильм состоит из двух частей, каждая из которых составляет 415 м. С целью обеспечения сохранности кинофильма при участии компании "Архив кинохроники net-film» он был оцифрован и размещен на сайте Архива РАН в сети Интернет.

В Архиве РАН хранятся звуковые записи, на которых зафиксирована работа руководящих органов Академии наук. С 1988 г., наряду с документами на бумажной основе, в Архив АН СССР из Службы видеозвукового обеспечения и звукозаписи Управления делами АН СССР стали поступать звуковые записи мероприятий, проходивших в Академии наук в 1968-2015 гг. В настоящее время в Архиве РАН в описи № 35 фонда № 2 «Секретариат Президиума РАН» учтены: 4093 единицы хранения фонограмм (магнитных лент, аудиокассет, CD-дисков), на которых размещены 2200 единиц учета (записей собраний, заседаний, конференций и других мероприятий). В 1988 г. в Архив РАН были переданы фонограммы за 1968-1987 гг., в дальнейшем ежегодно передавались звуковые записи за прошедший период. К каждому ежегодному комплекту звуковых записей передавалась опись фонограмм (годовой раздел), в которой имеются подробные сведения о каждой из записанных фонограмм: номер фонограммы, дата записи, количество оригиналов, общий метраж фонограммы, количество кассет (частей), тип и скорость записи, показания счетчика и фамилия оператора.

Основное достоинство описей к фонограммам состоит в наличии в них названий мероприятий, вопросов повестки, фамилии выступающих по каждому вопросу.

Фонограммы записаны на различные виды носителей с соответствующими техническими характеристиками. За 1968-1980 гг. информация записана на отечественные магнитные ленты (типы кассет 1, 2, 4, 6, 13, 15) длиной 180, 250, 375, 525 метров при скорости воспроизведения в основном 9,5 см/сек. За 1981-2000 гг. информация записана на отечественные магнитные ленты (типы кассет 6, 6P, 13, 15, Б3711, Б3715, Б3716) и зарубежные магнитные ленты (106 Германия и 478 Amplex США) длиной 350, 375, 525, 1000 метров при скорости воспроизведения в основном 9,5 см/сек. За 2001-2015 гг. информация записана на стандартные аудиокассеты, за 2015г. частично на 15 CD-дисков [14].

Наибольший интерес представляет звуковая информация о мероприятиях в Академии наук, содержащаяся в фонограммах: Общих собраний и заседаний Президиума АН СССР - РАН за 1968-2015 гг. Особую обеспокоенность вызывает проблема обеспечения сохранности ценных звуковых источников за 1968-2000 гг. объемом 2956 единиц хранения, зафиксировавших звуковую сторону принятия решений и их субъективную составляющую – влияние доводов и авторитета конкретных ученых на принятие тех или иных решений.

Основная задача, которая на протяжении многих лет стоит перед Архивом РАН – исследование физического состояния фонограмм за 1968-2000 гг. с целью обеспечения их сохранности. После решения этой задачи необходимо провести комплекс работ по переводу на современные носители информации (оцифровке) магнитофонных записей для обеспечения сохранности этих ценных комплексов документов. В Архиве РАН отсутствует необходимое оборудование для оцифровки магнитофонных записей. Научная ценность заключенной в этих источниках звуковой информации не вызывает сомнений, но для дальнейшего сохранения и использования необходим ее перевод на современные носители. Неоднократные обращения архива в Президиум РАН с просьбой о целевом финансировании работ по оцифровке фонограмм положительных результатов не дали. Теперь решением этого вопроса должно заняться Федеральное агентство

научных организаций, в противном случае ценное научно-документальное достояние нашей страны может быть утрачено.

Примечания

1. АРАН (Архив Российской академии наук). Р. XIV. Оп. 1. Д. 16-20; Ф. 1820. Оп. 1. Д. 941.
2. Там же. Ф 467. Оп. 2. Д. 65. Л. 1.
3. Там же. Ф 520. Оп. 2. Д. 41. Л. 1-6.
4. Там же. Ф 1955. Оп. 1. Д. 107. Л. 1-30
5. Там же. Ф 624. Оп. 2. Д. 35. Л. 1-31.
6. Там же. Ф 1514. Оп. 2. Д. 63. Л. 1-9.
7. Там же. Ф 584. Оп. 1. Д. 41. Л. 1-28.
8. Там же. Ф 467. Оп. 1. Д. 236. Л. 1-25.
9. Там же. Ф 555. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-22.
10. Там же. Ф 277. Оп. 6. Д. 104. Л. 1-9.
11. Там же. Ф 628. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-198.
12. Там же. Ф 583. Оп. 1. Д. 147. Л. 1-15.
13. Р. IV. Оп. 1. Д. 97, 98.
14. Киселев М.Ю. Фонодокументы в Архиве РАН: комплектование и организация хранения // Отечественные архивы. 2016. - № 6. - С. 26-29.

Ю.М. Кукарина

Современные тенденции нормативного регулирования работы с электронными документами

В Российской Федерации на современном этапе работа с электронными документами регулируется целым рядом правовых актов, а также локальными нормативными актами, которые разрабатываются в различных организациях, органах государственной власти и местного самоуправления с целью более

подробной регламентации порядка применения электронных документов в их деятельности.

Отдельные нормы, касающиеся использования электронных документов и электронной подписи, появились в Российском законодательстве в середине 1990-х годов и продолжают действовать в настоящее время с небольшими изменениями. В первую очередь это некоторые статьи Гражданского кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, ФЗ «О бухгалтерском учете».

В частности, статья 160 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что «использование при совершении сделок факсимильного воспроизведения подписи с помощью средств механического или иного копирования, электронной подписи либо иного аналога собственноручной подписи допускается в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон». А в статье 434 определено, что «договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющими достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. Электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту».

Налоговый кодекс Российской Федерации содержит ряд статей, устанавливающих возможность создания и передачи в электронной форме отдельных видов документов, таких как налоговая декларация, которая может быть передана по телекоммуникационным каналам связи с применением усиленной квалифицированной электронной подписи или через личный кабинет налогоплательщика (ст. 80); счет-фактура, который передается в электронной форме при наличии у сторон совместимых технических средств и возможностей для ее приема и обработки в соответствии с установленными форматами и порядком (ст. 169)[1]. Важными для практической деятельности являются и

положения ст. 93 «Истребование документов при проведении налоговой проверки», которые определяют возможности передачи в налоговый орган проверяемым лицом документов в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи или через личный кабинет налогоплательщика.

В 2010-е годы происходит развитие регламентации работы с электронными документами и электронной подписью в России, которое, прежде всего, связано с расширением возможностей использования электронных документов в различных отраслях деятельности общества, в том числе в работе органов государственной власти и местного самоуправления. Особое внимание в данный период начинает уделяться регламентации вопросов обмена информацией в форме электронных документов при осуществлении полномочий органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и граждан.

Понятие «электронный документ» определено в настоящее время в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» как «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [2]. В статье 11 п. 4 данного федерального закона установлено, что «в целях заключения гражданско-правовых договоров или оформления иных правоотношений, в которых участвуют лица, обменивающиеся электронными сообщениями, обмен электронными сообщениями, каждое из которых подписано электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи отправителя такого сообщения, в порядке, установленном федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или соглашением сторон, рассматривается как обмен документами». В 2016 г. в закон введена статья 11.1 «Обмен информацией в форме электронных документов при осуществлении полномочий органов

государственной власти и органов местного самоуправления», которая устанавливает возможность предоставления органами государственной власти и органами местного самоуправления гражданам и организациям информации в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью.

В статье 9 Федерального закона «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 N 402-ФЗ установлена возможность создания первичных учетных документов в виде электронных документов, подписанных электронной подписью [3].

Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ в настоящее время определяет базовые правила использования электронной подписи для удостоверения электронных документов в Российской Федерации. Понятие «электронная подпись» определяется как «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» [4]. Общее определение электронной подписи предоставляет возможность использования различных технологий для создания электронной подписи, которые определяются нормативными правовыми актами РФ или соглашением сторон.

В статье 5 данного Федерального закона предложены следующие наименования видов электронной подписи: простая электронная подпись – «электронная подпись, которая посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом»; неквалифицированная усиленная электронная подпись - «электронная подпись, которая получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи; позволяет определить лицо, подписавшее документ; позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после его подписания; создана с использованием средств электронной подписи» и квалифицированная усиленная электронная подпись - «электронная подпись, которая соответствует

всем признакам неквалифицированной электронной подписи и следующим дополнительным признакам: ключ проверки указан в квалифицированном сертификате; для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с настоящим Федеральным законом» [5].

Статья 6 Федерального закона «Об электронной подписи» определяет порядок использования различных ее видов. В частности установлено, что «информация в электронной форме, подписанная усиленной квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях» [6]. А если в состав удостоверения документа на бумажном носителе входит собственноручная подпись и оттиск печати, то этому требованию соответствует электронный документ, подписанный усиленной электронной подписью. Одной электронной подписью также могут быть подписаны несколько электронных документов (пакет электронных документов).

В данном Федеральном законе большое внимание уделяется определению сопутствующих понятий, обеспечивающих реализацию технологии электронного подписания документов (ключ электронной подписи, ключ проверки электронной подписи, средства электронной подписи, сертификат ключа проверки электронной подписи, удостоверяющий центр), также определены требования к структуре и порядку выдачи сертификатов ключей электронной подписи, к организации работы удостоверяющего центра и порядку его аккредитации.

По своей сути электронная подпись не имеет ничего общего с традиционным понятием «собственноручная подпись», так как мы ее не можем увидеть и для ее создания необходимы специальные технические и программные средства. Электронная подпись уже не может отражать специфические особенности начертания букв, особенности почерка, присущие конкретному

человеку, что характерно для собственноручной подписи. Идентификация подписанта – это важнейшая задача, которая должна быть решена для электронного документа электронной подписью. Для идентификации подписанта используются различные специальные алгоритмы. Если это усиленная электронная подпись или электронная цифровая подпись, то, как правило, применяется асимметричный криптоалгоритм шифрования с использованием ключа электронной подписи и ключа проверки электронной подписи. Если это простая электронная подпись, то применяется ключ простой электронной подписи в соответствии с правилами, установленными оператором информационной системы, с использованием которой осуществляются создание и (или) отправка электронного документа. Важная задача, которую решает электронная подпись, - это не только подтверждение авторства и времени создания электронного документа, а также того, что в него не вносились изменения после его подписания. Эта задача обеспечивается алгоритмом вычисления хэш-функции.

На современном этапе применяется целый ряд нормативных правовых актов разработанных Правительством РФ для регламентации вопросов формирования и функционирования межведомственного электронного документооборота [7]; использования различных видов электронной подписи, при обращении за получением государственных и муниципальных услуг [8]; обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия [9], организации работы с электронными документами в федеральных органах исполнительной власти [10] и т.п.

Большое значение для развития регламентации работы с электронными документами и электронной подписью имеют ведомственные нормативные правовые акты, разработанные, прежде всего, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (как федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере использования электронной подписи), а также Федеральной службой безопасности РФ, Федеральным архивным агентством РФ, Федеральной службой охраны РФ, Министерством

финансов РФ и Федеральной налоговой службой, Министерством юстиции РФ, Центральным банком РФ.

Приказы Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации регламентируют технические, технологические и организационные аспекты работы удостоверяющих центров, обмена документами в электронном виде между государственными органами и государственными организациями [11].

Приказы Федеральной службы безопасности РФ устанавливают технические и организационные требования к средствам электронной подписи, которые должны выполняться разработчиками и заказчиками средств электронной подписи, а также требования к совокупности и расположению полей квалифицированного сертификата [12].

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации разработан и применяется целый ряд правовых актов, регулирующих как базовые, так и специальные вопросы использования электронных документов и электронной подписи в различных сферах деятельности общества. Дальнейшее развитие регламентации работы с электронными документами в первую очередь связано с решением вопросов организации межведомственного информационного взаимодействия и обмена юридически значимыми документами между органами государственной власти и местного самоуправления, гражданами и организациями.

Примечания

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. № 31. 03.08.1998. Ст. 3824.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (ред. от 18.12.2018) // Собрание законодательства РФ. № 31 (1 часть). 31.07.2006. Ст. 3448.

3. Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. № 50. 12.12.2011. Ст. 7344.
4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 23.06.2016 N 220-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
5. Там же, ст. 5.
6. Там же, ст. 6, п.1.
7. Постановление Правительства РФ от 22.09.2009 № 754 «Об утверждении положения о системе межведомственного электронного документооборота» (ред. от 17.10.2017 N 1260) // Собрание законодательства РФ. 28.09.2009. № 39. Ст. 4614; Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (ред. от 20.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 20.09.2010. № 38. Ст. 4823.
8. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2012 г. № 634 «О видах электронной подписи, использование которых допускается при обращении за получением государственных и муниципальных услуг» (ред. от 27.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 02.07.2012. № 27. Ст. 3744; Постановление Правительства РФ от 09.02.2012 N 111 «Об электронной подписи, используемой органами исполнительной власти и органами местного самоуправления при организации электронного взаимодействия между собой, о порядке ее использования, а также об установлении требований к обеспечению совместимости средств электронной подписи» (ред. от 20.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 20.02.2012. № 8. Ст. 1027; Постановление Правительства РФ от 25 января 2013 г. № 33 «Об использовании простой электронной подписи при оказании государственных и муниципальных услуг» (ред. от 20.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 04.02.2013. № 5. Ст. 377.
9. Постановление Правительства РФ от 25.12.2014 № 1494 «Об утверждении правил обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия» (ред. от 20.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 05.01.2015. № 1 (часть II). Ст. 284.

10. Постановление Правительства РФ от 15.06.2009 № 477 (ред. от 26.04.2016) «Об утверждении правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 22.06.2009. № 25. Ст. 3060.

11. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 02.09.2011 № 221 «Об утверждении Требований к информационным системам электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти, учитывающих в том числе необходимость обработки посредством данных систем служебной информации ограниченного распространения»; Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 28.06.2017 N 331 «Об утверждении требований к порядку реализации функций аккредитованного удостоверяющего центра и исполнения его обязанностей»; Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 23 июня 2015 г. N 210 «Об утверждении Технических требований к взаимодействию информационных систем в единой системе межведомственного электронного взаимодействия».

12. Приказ Федеральной службы безопасности РФ от 27.12.2011 № 796 «Об утверждении требований к средствам электронной подписи и к средствам удостоверяющего центра»; Приказ Федеральной службы безопасности РФ от 27.12.2011 N 795 «Об утверждении Требований к форме квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 16. 16.04.2012.

П.А. Кюнг

**Авторские и смежные права применительно к архивным документам:
проблемы комплектования и использования научно-технической
документации**

Существенной частью научной работы является использование ретроспективной информации, содержащейся в различных источниках, включая

неопубликованные. К таковым относятся документы, находящиеся на хранении в архивах [1] различного уровня (федеральные, архивы субъектов Российской Федерации, муниципальные) и подчиненности (архивы учреждений системы Российской Академии наук, Федерального агентства научных учреждений, архивы научно-исследовательских учреждений в системах министерств Правительства Российской Федерации, субъектов Российской Федерации), а также формы собственности (архивы государственных корпораций, научно-технических фондов, коммерческих организаций, включая находящиеся в ведении Росимущества).

Традиционный подход работы с такого рода информацией подразумевает соблюдение авторских прав. Исследователь, используя данные архивного источника, делает на него ссылку. Необходимо признать, что исторически сложившаяся практика архивных ссылок (аббревиатура архива, номер фонда, номер описи, номер дела, номера листов) не предполагает указания авторства исходного документа. Тем не менее, в научном сообществе предполагается, что при цитировании информации из документа, исследователь ограничивается разумным объемом цитирования, соблюдая, естественно, правила цитирования [2]. Объем цитирования регулируется статьей 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации «Свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях» [3].

Если вопросы использования информации архивных документов в рамках создания исторических работ «вопросов» не вызывают, то использование ретроспективной научной информации «практических» целях поднимает сложнейшие проблемы использования результатов научно-технической деятельности.

Характерно, что само создание архивов научно-технической документации происходило в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 21 мая 1964 г. № 431 «О централизации хранения научно-технической документации и об организации широкого использования ее», в котором центральными словами являлись «широкого использования». Предполагалось,

что такие архивы станут информационными центрами, которые позволят избегать повторного создания научно-технических произведений. Естественно, такой подход не предполагал появления частной собственности на интеллектуальные произведения и 4-й части Гражданского кодекса Российской Федерации.

Федеральным законом от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [4] ст. 5 в состав Архивного фонда Российской Федерации включены находящиеся на территории Российской Федерации архивные документы независимо от источника их происхождения, времени и способа создания, вида носителя, форм собственности и места хранения, в том числе документы, содержащие результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, градостроительная документация, кино-, фото-, видео- и фонодокументы, электронные и телеметрические документы, рисунки, чертежи.

Согласно вышеупомянутому закону документ Архивного фонда Российской Федерации представляет собой архивный документ, прошедший экспертизу ценности документов, поставленный на государственный учет и подлежащий постоянному хранению, а архивный документ определяется как материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства. П. 6 ст. 7 закона устанавливает, что «Экспертизе ценности документов подлежат все документы на носителях любого вида, находящиеся в федеральной собственности, собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности. До проведения в установленном порядке экспертизы ценности документов уничтожение документов запрещается». Сама процедура экспертизы формализована действующими нормативными документами, регулирующими работу организаций различной формы собственности с архивными документами и государственных архивов [5] и

системой нормативных перечней, в которых группам документов установлены сроки хранения, включая постоянный срок [6].

Необходимо отметить, что нормативные документы в области архивного дела по факту не учитывают в своих статьях вопросы авторских и смежных прав. Так в законе «Об архивном деле в Российской Федерации» в п. 6 ст. 29 значится «Использование архивных документов, на которые распространяется действие законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности, осуществляется с учетом требований данного законодательства». Похожее положение присутствует в п. 3.4. Порядка использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации, утв. Приказом Федерального архивного агентства от 1 сентября 2017 года N 143: «Доступ пользователя к делам, документам, справочно-поисковым средствам к ним, печатным изданиям, на которые распространяется действие законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности, осуществляется с учетом требований законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности».

Интересно, что в последнем документе используется термин «доступ». В Федеральном законе от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7] говорится о том, что не может быть ограничен доступ к информации, накапливаемой в открытых фондах библиотек, музеев и архивов [8]. Но в ст. 1 п. 2 закона уточнено, что его положения не распространяются на отношения, возникающие при правовой охране результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации.

В Гражданском кодексе Российской Федерации от 18.12.2006 N 230-ФЗ [9] порядок работы с произведениями, правомерно введенными в гражданский оборот, устанавливает статья 1275 «Свободное использование произведения библиотеками, архивами и образовательными организациями». По существу, ее основные положения сводятся к тому, что архивы могут предоставлять пользователям произведения и делать их единичные копии при условии

отсутствия цели извлечения прибыли. При этом экземпляры произведений в электронной форме могут предоставляться во временное безвозмездное пользование только в помещении библиотеки или архива при условии исключения возможности дальнейшего создания копий произведений в электронной форме. Последнее исключает возможность размещения произведений на сайте архивов. В данной статье содержатся две существенные проблемы. Первая, это неопределенность процедуры правомерного введения в гражданский оборот. Так, в какой степени процедура включения в Архивный фонд Российской Федерации неопубликованных произведений вводит их в гражданский оборот? Вторая, это отнесение к произведениям технических документов, к примеру, архитектурных проектов.

Фактически, последние, содержащие, в том числе и результаты научно-технической деятельности, оказываются в непонятном положении, равно как и архивы и пользователи. Возможно ли предоставление этих документов в свободное пользование при отсутствии разрешения со стороны правообладателей? Возможна ли публикация, включая в сети Интернет, без такого разрешения? Как установить обладателя такого рода прав?

Даже последний вопрос разрешить чрезвычайно сложно, особенно при ликвидации организации создателя документов. Правоотношения в области научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических, проектных работ регулируются Главами 37-38 Гражданского кодекса Российской Федерации. Право собственности на результаты научно-технической деятельности определяется его четвертой частью. Если обратиться к ситуации с правами на служебные произведения (ст. 1295) то в п. 2 можно увидеть следующий интересный момент «исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю, если трудовым или гражданско-правовым договором между работодателем и автором не предусмотрено иное. Если работодатель в течение трех лет со дня, когда служебное произведение было предоставлено в его распоряжение, не начнет использование этого произведения, не передаст исключительное право на него другому лицу или не

сообщит автору о сохранении произведения в тайне, исключительное право на служебное произведение возвращается автору». Ясно, что после ликвидации организации, а зачастую и в рамках ее существования, но при смене действующих лиц, определить использовалось ли произведение или нет затруднительно. В рамках же архивного хранения почти невозможно.

Характерно, что в ст. 1227 ГК РФ установлено, что «интеллектуальные права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации и переход права собственности на вещь не влечет переход или предоставление интеллектуальных прав на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации».

При этом в Постановлении Правительства РФ от 02.09.1999 N 982 «Об использовании результатов научно-технической деятельности» [10] опять же устанавливается, что права на результаты научно-технической деятельности, ранее полученные за счет средств федерального бюджета, подлежат закреплению за Российской Федерацией, если эти результаты не являются объектами исключительных прав физических или юридических лиц!

Таким образом, в настоящее время ситуация с использованием архивных документов, на которые распространяется законодательство в области охраны авторских и смежных прав не ясна. Налицо противоречие между пониманием Архивного фонда Российской Федерации как общенационального достояния и необходимостью охраны прав авторов на получение вознаграждение за использование их произведений.

Эта коллизия может быть решена изменением действующего законодательства, в котором было бы четко прописана грань между публикацией, правомерным введением в гражданский оборот и получением прибыли от использования результатов научно-технической деятельности.

Примечания

1. Под «архивом» здесь понимается и структурное подразделение или отдельное учреждение, осуществляющее хранение документов и собрание документов, подлежащих постоянному хранению, если архива в виде подразделения в организации не создано.
2. ГОСТ Р 7.0.5-2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52. Ч.1. Ст. 5496.
4. Собрание законодательства РФ. 25.10.2004. № 43. Ст. 4169.
5. Правила организации хранения, комплектования, учёта и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях, утв. Приказом Министерства культуры РФ от 31 марта 2015 г. № 526 и Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук утв. Приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 18 января 2007 г. № 19.
6. Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения, утв. Приказом Минкультуры России от 25.08.2010 N 558, зарегистрирован в Минюсте России 08.09.2010 № 18380; Перечень типовых архивных документов, образующихся в научно-технической и производственной деятельности организаций, с указанием сроков хранения, утв. Приказом Минкультуры России от 31.07.2007 № 1182, зарегистрирован в Минюсте России 27.09.2007 № 10194.
7. Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.

Формирование научной школы по аудиовизуальным документам и архивам в ИАИ РГГУ: историографический аспект.

Начало формирования научной школы МГИАИ по аудиовизуальным документам (АВД) и архивам или, как они именовались ранее – кинофотофонодокументам (КФФД), связано с именем профессора, доктора технических наук А.А. Кузина (1911 – 1993 гг.) – выдающегося историка техники и архивоведа, идеолога специального архивоведения, автора корпуса учебных пособий и основателя кафедры научно-технических и кинофотофоноархивов. В 1960 г. им было опубликовано первое учебное пособие «Кинофотофоноархивы» [1], что и стало пусковым механизмом выделения этой тематики в самостоятельное направление.

В то же время, с конца 50-х гг. XX в. во многих обобщающих архивоведческих и источниковедческих работах АВД рассматривались с различных методологических позиций, однако, как целостное направление, их изучение еще не было выделено. Функцию формирования научной школы по АВД взяла на себя созданная в 1969 г. кафедра «научно-технических архивов», а позднее, «научно-технических и кинофотофоно-архивов» (1979 г.).

Науковеды понимают под научной школой «объединение исследователей, выполняющее функции продуцирования и распространения новых знаний и обладающее способностью к самовоспроизводству», а также «систему передачи знаний, существующую на базе образовательных учреждений и доказавшую свою способность к обучению и формированию будущих исследователей» [2]. Именно такой институцией становится кафедра научно-технических и кинофотофоноархивов. Уже с середины 70-х гг. к работе над проблематикой АВД подключаются такие признанные специалисты в области АВД как В.М. Магидов и Л.М. Рошаль. В.М. Магидов (1938 – 2015 гг.) – профессор, доктор исторических наук, широко известен как специалист в области историографии и источниковедения КФФД, основатель и первый руководитель

факультета технотронных архивов и документов ИАИ РГГУ. Л.М. Рошаль (1936 – 2010 гг.) – профессор, доктор искусствоведения, признанный кинокритик и кинодраматург, исследователь историографии, источниковедения и архивоведения КФФД, создатель авторского учебного курса по истории фотографии, кино, радиовещания и телевидения, а также ставшего классическим учебным пособием (в соавторстве с А.А. Кузиным) «Кинофото-фоноархивы» [3].

В рамках историографического изучения можно предложить периодизацию формирования научной школы по аудиовизуальным документам и архивам:

1960 – 1969 гг.: развитие проблематики КФФД в рамках деятельности кафедры теории и практики архивного дела вплоть до момента открытия кафедры научно-технических архивов в 1969 г.;

1970 – 1979 гг.: расширение тематического поля учебных курсов кафедры НТА по кинофотофоноархивам, включение в название кафедры понятия «кинофотофоноархивы», формирование круга дисциплин, характеризующих среду создания КФФД, а именно дисциплин по истории кино, радио и телевидения;

1980 – 1993 гг.: дальнейшая разработка проблематики КФФД с углублением источниковедческих и историографических аспектов изучения;

1994 – 2013 гг.: эволюция проблематики КФФД (АВД) в условиях открытия и деятельности факультета технотронных архивов и документов;

2013 г. – по настоящее время: архивоведение АВД в контексте деятельности факультета документоведения и технотронных архивов.

Руководство факультетом в качестве декана взял на себя профессор, доктор исторических наук Г.Н. Ланской, который и возглавил научную школу по АВД. В своих исследованиях и авторских учебных курсах он ориентируется на современные приложения архивоведения аудиовизуальных документов [4].

Для научной (научно-образовательной) школы характерны следующие основные признаки:

- существование собственного научного языка, системы взглядов, методологии подходов к решению проблем;

- высокий уровень научных результатов и признание школы, в том числе – практикой;

- наличие интеллектуальных лидеров направления, их преемственность.

Для того чтобы протестировать рассматриваемую научную школу по указанным критериям, достаточно обратиться к монографии проф. д.и.н. В.М. Магидова «Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания» [5], которая содержит исчерпывающую историографию проблематики по состоянию на середину 2000-х гг., вводит определение основных понятий АВД, дает уникальную по полноте характеристику АВД Архивного фонда Российской Федерации, их классификацию и структуру как исторических источников.

Дальнейшее развитие научно-исследовательской и педагогической деятельности в ИАИ РГГУ по аудиовизуальным документам и архивам демонстрирует преемственность лидеров настоящего направления в лице профессоров А.А. Кузина, В.М. Магидова, Л. М. Рошалья и Г.Н. Ланского.

Картина формирования научной школы хорошо видна через проблематику диссертационных исследований. Период 80-х годов характеризуется исследованиями в области фонодокументов, их классификации, организации хранения, научно-справочного аппарата, представленными в виде ряда статей (Л.Н. Розанова [6], Л.А. Кобелькова [7], А.Н. Филиппов [8]), а также подробным изучением научно-справочного аппарата аудиовизуальных документов (Г.А. Медведева [9]).

90-е гг. приносят в диссертационную тематику исследование фотодокументов СМИ как источников комплектования Архивного фонда РФ (Н.А. Прокопенко [10]), изучение различных видов и комплексов фотодокументов, в частности, фотографических альбомов (С.В. Туровцева [11]).

В 2000-е гг. проблематика АВД дополняется исследованиями как фото-, так и кинодокументов по истории Великой Отечественной войны (А.Н. Назаров [12], Д.Ю. Хохлов [13]).

В настоящее время на кафедре документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов защищена диссертация З.М. Рубининой, посвященная фотографической коллекции персоналии [14]. По близкой проблематике – фотографической коллекции подготовлена к защите диссертация М.О. Болотиной. Организации комплектования и использования аудиовизуальных документов телерадиокомпаний посвящена успешно защищенная диссертация М.М. Жуковой.

Тематика дипломных работ по АВД и архивам также в значительной степени отражает исследовательское поле, направления и интересы представителей научной школы и может рассматриваться как один из компонентов историографии АВД и архивов. Анализ тематики дипломных сочинений за период с 1994 г. выглядит следующим образом. В количественном отношении доминируют работы по фотодокументам. Они раскрывают фотодокументы как источники по отечественной истории, как источники по истории науки, фотодокументы как объекты архивоведческого изучения персоналий, фотодокументы музеев, в том числе, фотографические коллекции. На втором месте находится тематика по изучению документального и художественного кино и телевизионной продукции как объектов архивного хранения. Далее следует тематика, посвященная использованию АВД в средствах массовой информации, в выставочной деятельности, обеспечения сохранности АВД, созданию баз данных по АВД. В последние несколько лет широко представлено направление изучения документальных и художественных фильмов как исторических источников.

Зрелость научной школы, по Т. Куну [15], определяется как «признанные всеми научные достижения, которые дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу», т. е. наличием парадигмы. Применительно к архивоведению АВД контуры этой парадигмы просматриваются в следующем:

– высокий уровень интеграции архивоведения АВД с дисциплинами, изучающими сферу создания АВД, киноведением, искусствознанием, культурологией, теорией и историей журналистики;

– тесная взаимосвязь архивоведения АВД с источниковедением, применительно к изучению произведений документального и художественного кино;

– включение в методологический аппарат архивоведения АВД естественнонаучных основ обеспечения сохранности документов на пленочных, ленточных и дисковых носителях;

– развитие методологии археографии АВД в контексте их публикации в составе информационных электронных ресурсов.

Примечания

1. Кузин А.А. Кинофотофоноархивы: Уч. пос. / МГИАИ.- М., 1960.- 263 с.
2. Устюжанина Е.В. и др. Научная школа как структурная единица научной деятельности / Препринт #WP/2011/288/- М.: ЦЭМИ РАН, 2011. – 73 с.
3. Кузин А.А., Рошаль Л.М. Кинофотофоноархивы: Уч. пос. / МГИАИ.- М., 1982, 63 с.
4. Ланской Г.Н. Актуальные проблемы архивоведческого и источниковедческого изучения фотодокументов // Вестник архивиста.- 2014.- № 2.- С. 8-17.
5. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания.- М.: РГГУ, 2005.- 394 с.
6. Розанова Л.Н. Основы научной классификации фонодокументов: Автореферат дис. канд. ист. наук: 05.25.02.- М., 1986.- 26 с.
7. Кобелькова Л.А. Организация государственного хранения фонодокументов и экспертиза их ценности: Автореферат дис. канд. ист. наук: 05.25.02.- М., 1984.- 21 с.
8. Филиппов А.Н. Научно-справочный аппарат фоноархивов (Проблемы и перспективы развития): Автореферат дис. канд. ист. наук: 05.25.02.- М., 1987.- 22 с.
9. Медведева Г.А. Научно-справочный аппарат к аудиовизуальным документам государственных архивов (Состояние и перспективы развития автоматизированного поиска документов): Автореферат дис. канд. ист. наук: 05.25.02.- М., 1990.- 26 с.

10. Прокопенко Н.А. ИТАР-ТАСС как источник комплектования архивного фонда России фотодокументами: Автореферат дис. канд. ист. наук: 05.25.02.- М., 1994.- 23 с.
11. Туровцева С.В. Фотографические альбомы по истории войн России второй половины XIX – начала XX веков. Опыт архивоведческого и источниковедческого исследования: Автореферат дис. канд. ист. наук: 05.25.02.- М., 1995.- 22 с.
12. Назаров А.Н. Кинодокументы начального периода Великой Отечественной войны. Опыт историко-архивоведческого и источниковедческого исследования: Автореферат дис. канд. ист. наук: 05.25.02.- М., 2003.- с.
13. Хохлов Д.Ю. Фотодокументы личного происхождения по истории Второй мировой войны как объект архивоведческого исследования: Автореферат дис. канд. ист. наук: 05.25.02.- М., 2007.- с.
14. Рубина З.М. Семейный фотографический архив Левицких (вторая половина XIX – вторая половина XX в.) из собрания Государственного исторического музея как объект источниковедческого исследования: : Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.09.- М., 2016.- 24 с.
15. Кун Т. Структура научных революций.- М.: Прогресс.- 300 с.

Н.Ф. Паламарь

Проблемы сохранения рукописного наследия

Любой рукописный документ – это хрупкая система взаимоотношения основы (бумаги) и информационного слоя (чернил). Каждая его часть живет по своим физико-химическим законам. Не корректное вмешательство в структуру рукописи может разрушить бесценный, уникальный, неповторимый памятник. Научный подход к вопросам выбора реставрационной программы позволяет продлить жизнь историческим раритетам.

В результате мониторинга состояния сохранности рукописных документов в Архиве академии наук, был сделан вывод об отрицательном влиянии старей

архивной упаковки на сохранность документов. На физическое состояние рукописей оказывают влияние не только общеизвестные причины, не только человеческий фактор, но и тот материал и конструкции, которые были специально созданы для защиты и сохранения исторических документов. Не по злому умыслу, а по незнанию, с восьмидесятых годов прошлого века для архивных папок и коробок стали использовать технические, низкосортные, а поэтому и самые дешевые материалы: технический картон [1]. И уже через 20 лет не простой жизни документов в наших архивах можно наблюдать изменения, происходящие с рукописями. В первую очередь – это изменение цвета основы в местах непосредственного соприкосновения с картонной обложкой. На химическом уровне происходит изменение рН бумаги в сторону сильного окисления [2]. Кроме того наблюдаются резкие перепады углеродного показателя в границах одного листа. И все это способствует снижению механической прочности бумаги.

Причиной резкого старения основы рукописных документов являются картонные упаковки или обложки архивных дел. Старый картон, содержащий древесную массу, не был предназначен для длительного хранения. Он сам активно окисляется и создает агрессивную среду вокруг, которая оказывает серьезное влияние на все химические процессы, вызывает деструкцию основы рукописи и изменяет цвет чернил.

Серьезную проблему для длительного хранения архивных документов создают всевозможные архивные сопроводительные записи, такие как листы использования, учетные листы и прочие формуляры. Они выполнены на так называемой газетной, низкосортной бумаге, содержащей древесную массу. Соприкасаясь с поверхностью архивных документов, они тоже окисляют основу. Как правило, эти контакты происходят на титульных листах (названия рукописей) и в конце архивных дел, где сосредоточены подписи, автографы подтверждающие подлинность документов, т.е. самые важные части архивного дела. Кроме того, эти формуляры заполнены синтетическими чернилами. Их химическая нестабильность и агрессивность усугубляют отрицательное влияние на сохранность документов. Очень часто можно наблюдать видимые границы

окисления основы документа от взаимодействия с архивным бланком. Синтетические чернила тоже окисляют основу, оставляя коричневые пятна на более светлой основе документа.

Еще одним немаловажным отрицательным фактором является использование синтетических клеев для изготовления архивных упаковок, папок и коробок. Эти клеи, не предназначенные для длительного хранения, с высокой щелочной или очень кислой реакцией. Их перечень очень длинный: начиная от ПВА (поливинилацетата) и заканчивая силикатным клеем. Архивная коробка, склеенная щелочным или очень кислым клеем, да еще из технического (чемоданного или электро-картона) материала, создают гремучую смесь, химически агрессивную среду, в которой вынуждены пребывать рукописные документы. Высокая щелочная реакция разрушает чернила, а избыток кислот разрушает основу любого рукописного документа.

Все эти химические процессы, происходящие вокруг или на поверхности рукописей необходимо четко представлять и очень взвешенно принимать решения о стабилизации архивного документа в процессе реставрации. Ведь то, что необходимо для поврежденной основы: нейтрализация продуктов распада целлюлозы, не совместимо с проблемами сохранения и стабилизации информационного слоя – чернил [3]. Еще следует учесть то, что использование химических фиксативов для закрепления чернил, или химические способы перевода нестабильных чернил в другую химическую форму является серьезным вмешательством в структуру исторического документа и ведет к утрате идентичности.

Практическим выходом из сложившейся ситуации может быть фазовая консервация рукописей, которая будет включать:

1. Устранение внешних факторов отрицательного влияния, таких как обеспыливание, удаление старых архивных обложек, папок и коробок, сделанных из материалов, не предназначенных для длительного хранения, изолированное хранение архивных бланков и формуляров, удаление наклеек с синтетическими клеями

2.Изготовление специальной индивидуальной упаковки из стабильных безкислотных материалов для длительного хранения рукописей.

В заключение следует напомнить, что основной задачей архивной работы является сохранение, т.е. длительное хранение документов и рукописей в том числе. Поэтому кажется целесообразным рекомендовать применение фазовой консервации, как метода сохранения рукописного наследия.

Примечания

- 1.ГОСТ 7500-85. Бумага и картон. Методы определения состава по волокну.
- 2.Привалов В.Ф. Обеспечение сохранности архивных документов на бумажной основе: Методическое пособие / Росархив, ВНИИДАД. М.: 2003. С. 53.
- 3.Привалов В.Ф. Химическая стабилизация водорастворимых текстов документов: Методическое пособие. М.: ВНИИДАД, 1994. С. 13-14.

3.М. Рубинина

Рекламный фотобуклет к фильму как исторический источник (на примере советских миниатюрных фотобуклетов-«гармошек» 1936 – 1941 гг. из коллекцииГИМ)

Прежде всего следует оговориться, что речь пойдет не об основной коллекции фотографий Государственного Исторического музея, а о коллекции бывшего Центрального музея В.И. Ленина. Точнее, о комплексе предметов, который в настоящее время готовится для включения в состав коллекции и, тем самым, в состав Музейного фонда страны. Комплекс состоит из 47 музейных предметов: [1] 13 миниатюрных фотооткрыток с портретами ведущих отечественных актеров кино, оперы и балета конца 1930-х гг. и 34 миниатюрных (от 3,7х3,6 см. до 5,8х9,7 см.) фотобуклета-«гармошки». Указанные фотобуклеты являются объектом исследования в этой статье.

Все фотобуклеты изданы в СССР (в тех случаях, где известен издатель, трестом «Ленгоркино») в период с 1936 по 1941 г. Большинство фотобуклетов

(29) изданы трестом «Ленгоркино», фотобуклет фильма «Искатели счастья» 1936 г. издан «Белгоскино», фотобуклет фильма «Суворов» 1941 г. – Московской конторой «Главкинопрокат», один фотобуклет издан Ленинградским театром оперы и балета им. С.М. Кирова, в двух случаях издатель неизвестен. Из 34 фотобуклетов один, изданный театром оперы и балета им. С.М. Кирова, посвящен творчеству оперного певца Николая Константиновича Печковского (1896-1966), а 33 представляют собой рекламу к фильмам. Из них - четыре буклета посвящены зарубежным фильмам 1931-1936 гг. (буклеты при этом изданы в 1936-1938 гг.), а остальные - советским фильмам 1935-1941 гг. (буклеты изданы в 1936-1941 гг.) Источниковым возможностям этих 33 буклетов посвящена данная статья.

Прежде всего, следует определить проблемные поля, в рамках которых следует анализировать рекламные фотобуклеты, а именно – история кино, история фотографии, история рекламы и история повседневности советских тридцатых.

Начну с истории кино. Во-первых, миниатюрные фотобуклеты-«гармошки» - это вид кинорекламы, характерный для советского периода. В том числе, для тридцатых годов. Немаловажно, что именно в это время в контексте усилий по созданию отечественной киноиндустрии уделяется внимание рекламе фильмов. При этом, в отличие от афиш, стендов, плакатов, миниатюрные фотобуклеты-«гармошки» (наряду с фотооткрытками) – это кинореклама, предназначенная для бытования в повседневности зрителя, в его личном архиве. Таким образом, речь идет о типичной для своего времени фотопродукции, предназначенной для массового распространения.

Очень типично для эпохи соотношение буклетов отечественных и зарубежных фильмов, поскольку в первой половине 1930-х гг. закупка и прокат иностранных фильмов были прекращены, а во второй половине десятилетия очень сильно ограничены. Причем в комплексе представлены наиболее характерные для советского проката второй половины 1930-х зарубежные фильмы. Прежде всего, это два фильма Чарли Чаплина: «Огни большого города»

(фильм 1931, буклет 1936 г.) и «Новые времена» (фильм и буклет 1936 г.). Особо стоит отметить «Новые времена», поскольку о закупке и прокате этого фильма в СССР заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР Б.З. Шумяцкий лично ходатайствовал перед СНК [2]. Другие два фильма не менее характерны: это мелодрамы австрийского режиссера Германа Костерлитца с актрисой Франческой Гааль в главных ролях – «Петер» (фильм 1934 г., буклет издан в 1938 г.) и «Катерина» (фильм 1935, буклет 1938 г.). В условиях ограниченного проката зарубежных фильмов в СССР мелодрамы с Франческой Гааль могут быть приравнены к яркому жизненному событию. Впрочем, фильм «Петер» остался в сердце и памяти у нескольких поколений отечественных кинозрительниц, в том числе – послевоенного поколения. Таким образом, фотобуклеты зарубежных фильмов, предназначенные для бытования в личных архивах, становятся маркером «обратной связи» зрителя и киноиндустрии, сохранившим популярность фильмов Чаплина и Костерлитца в СССР 1930-х гг.

Что касается фотобуклетов отечественных фильмов, то здесь следует говорить о выражении обратной связи в контексте усилий по созданию киноиндустрии, характерных для всего десятилетия. Но прежде всего следует перечислить, фотобуклеты каких фильмов входят в состав комплекса. Буклет мог быть издан годом позже, чем создан фильм. Это относится к единственному фильму 1935 г., а также к некоторым другим уже в рамках периода 1936-1941 гг. Также к одному фильму подчас издавался не один буклет, и это нашло свое выражение в комплексе.

Итак, фотобуклеты, изданные в 1936 г., посвящены фильмам: «Подруги» (фильм 1935 г.), «Бесприданница», «Дети капитана Гранта», «Искатели счастья» и «Последняя ночь». В 1937 г. изданы фотобуклеты к фильмам 1936 г «Депутат Балтики», «Зори Парижа», «Федька» и к фильмам 1937 г. «Большие крылья», «Петр Первый» (в 1937 г. вышла первая серия) и «Юность поэта». В 1938 г. изданы буклеты фильма 1937-1939 гг. «Великий гражданин», а также фильмов 1938 г. – «Волга... Волга», «Год 19-ый» и «Человек с ружьем». В фотобуклетах

1939 г. издания представлены фильмы 1938 г. – «По шучьему велению», «Семья Оппенгейм» и «Сорочинская ярмарка», а также фильмы 1939 г. выпуска «Трактористы». 1940 г.: фильм 1939 г. «Поднятая целина» и фильмы 1940 г. выпуска – «Бабы», «Мои университеты», «Оборона Петрограда» (более известен под названием «Разгром Юденича») и «Родина». 1941 год представлен единственным буклетом фильма «Суворов».

Таким образом, в небольшой подборке аккумулирована впечатляющая выборка классики советского кино второй половины 1930-х гг. Не имеет смысла подробно останавливаться на значении для всей отечественной культуры таких фильмов, как, к примеру, «Дети капитана Гранта» и «Волга... Волга», на значении для всего мирового кино трилогии Марка Донского (представленной буклетом фильма «Мои университеты»). Небольшая и не формировавшаяся целенаправленно для облегчения труда историка подборка представляет собой также впечатляющую выборку работ великих отечественных режиссеров и актеров, создавших рекламируемые фильмы или запечатленных на страницах фотобуклетов. Особо следует подчеркнуть, что в небольшой подборке аккумулирована впечатляюще полная выборка жанров, характерных для советского кино 1930-х гг.:

- историко-революционные фильмы («Подруги», «Последняя ночь», «Депутат Балтики», «Зори Парижа», «Год 19-ый», «Человек с ружьем», «Оборона Петрограда»);

- исторические фильмы, особенно характерные для конца десятилетия («Петр Первый» (также экранизация современного для времени создания исторического романа), «Юность поэта», «Суворов»);

- экранизации произведений классической литературы (эталонная на многие десятилетия «Бесприданница» Я.А. Протазанова, «Сорочинская ярмарка», «Мои университеты»; в этом контексте также можно упомянуть «Дети капитана Гранта»);

- производственная драма («Большие крылья»);

- фильмы о деревне («Поднятая целина» (также экранизация современной литературы), «Бабы», «Трактористы» (также комедия);
- фильмы о вредителях и шпионах («Великий гражданин», «Родина»;
- комедия («Волга... Волга», «Трактористы»);
- приключенческий фильм («Дети капитана Гранта», «Федька»);
- сказка («По щучьему велению»);
- фильм на характерную для 1920-1930-х гг. еврейскую тему («Искатели счастья»);
- антифашистский фильм (также экранизация современной литературы – «Семья Оппенгейм» по роману Л. Фейхтвангера «Семья Опперман»).

Помимо этого, в подборке фотобуклетов проявляются другие сюжеты из истории советского кино 1930-х гг. Во-первых, усилия по созданию сети киностудий представлены, прежде всего, буклетами фильмов республиканских студий, причем не случайно в подборке фигурируют самые известные из них: Киевская киностудия (фильм 1938 г. «Сорочинская ярмарка» Николая Экка) и Тбилисская киностудия (фильм Николая Шенгелая «Родина» 1939 г.). Фильм «Искатели счастья» (1936) был поставлен студией «Беларусьфильм», но студия в то время находилась в Ленинграде. Буклет к фильму был выпущен при этом не «Ленгорино», а «Белгоскино».

Также следует упомянуть о продукции специализированной студии: это созданная в 1936 г. на базе киностудии «Межрабпомфильм» знаменитая студия «Союздетфильм». Ее продукция представлена буклетами двух знаковых лент: сказкой «По щучьему велению» (первый полнометражный фильм Александра Роу и первая «большая» роль Георгия Миллера, а также начало длительного творческого содружества режиссера и актера). Вторая лента – это «Мои университеты»: заключительная часть легендарной кинотрилогии Марка Донского.

Во-вторых, в выборке нашлось место и для буклета фильма, занявшего свое место в истории технического развития советского кино. Это уже

упомянутый мной первый украинский цветной фильм, один из первых цветных советских фильмов – «Сорочинская ярмарка» Николая Эка.

Наконец, не следует забывать и об иных реалиях тридцатых. В подборке есть буклет фильма Михаила Дубсона «Большие крылья». Это производственная драма с Борисом Бабочкиным и Зоей Федоровой в главных ролях. Фильм 1937 года, получил хорошие отзывы, в том числе от Г.К. Орджоникидзе, но буквально перед выходом фильма в прокат в «Правде» была опубликована разгромная статья «Фальшивое кино». Фильм в прокат не вышел, не сохранился, а рекламный фотобуклет успели издать и пустить в продажу.

Второе выделенное мной проблемное поле – это история фотографии. Следует подчеркнуть, что из 33 рекламных фотобуклетов только два (буклеты фильмов «Мои университеты» и «Родина» (оба изданы в 1940 г.) изданы типографским способом. Все остальные представляют собой серебреножелятиновые отпечатки. Иными словами, в большинстве случаев речь идет о безусловно фотографической продукции, хотя в зарубежной (в частности, британской) историографии есть направление, призывающее исследовать на равных фотографические отпечатки и фотографию, опубликованную типографским способом [3].

Что касается содержания буклетов, то в данном случае речь идет о рекламной продукции, поэтому здесь уместно говорить о рекламной фотографии. Более того, в данном случае целесообразно объединить два проблемных поля – история фотографии и история рекламы.

Безусловно, миниатюрные фотобуклеты – продукция массовая, которая представляет другой полюс по отношению к высоким образцам жанра (например, по отношению к творчеству фотохудожника Александра Владимировича Хлебникова в области фотографической рекламы, не говоря уже о не менее притягательном рисованном рекламном плакате того времени). Но это та рекламная фотография, которая жила в доме зрителя. Это те образцы фоторекламы, с которыми сталкивался человек в повседневной жизни. Поэтому

представляется важным исследование фотобуклетов в контексте идеалов и норм советской и мировой визуальной рекламы (прежде всего, фотографической).

Приведу два примера. Во-первых, в оформлении 16 буклетов из 33 используются графические вставки: как составляющая дизайна обложки буклета или виньетки, обрамляющие фотоиллюстрации. Таким образом миниатюрные фотобуклеты становятся ближе к характерным для тридцатых коллажам, использующим фотографические изображения. Такие коллажи наиболее известны по плакатам (как рекламным, так и политическим), но, как видим, у них могло быть более скромное и близкое к повседневности рядового гражданина выражение.

Второй пример позволяет связать оформление фотобуклетов с идеалами женской красоты тридцатых годов двадцатого столетия. Безусловно, акцент на портреты женских персонажей фильмов характерен для комплекса в целом, но в одном случае идеал акцентируется особенно ярко. Это касается обложки буклета фильма «Дети капитана Гранта», поскольку и на передней, и на задней обложках портреты одной и той же героини – Мэри Грант в исполнении Ольги Базановой. Базанова в то время была в начале своей карьеры, в фильме снимались более известные актеры. Например, Николай Черкасов (Жак Паганель) или Мария Стрелкова (леди Гленарван). Не говоря уже о том, что на одну из обложек можно было бы поместить портрет второго капитанского ребенка – Роберта Гранта в исполнении Якова Сегеля. Но именно у Ольги Базановой был тот самый, востребованный в тридцатые тип красоты, поэтому ее и только ее портреты украсили обложку буклета.

Наконец, последнее проблемное поле – это история повседневности. Безусловно, в этом контексте необходимо тщательное исследование происхождения и бытования фотобуклетов в составе комплекса. Проблема заключается в том, что в музей поступил комплекс, прошедший через несколько рук, и данные о семье владельцев были утрачены, как это подчас случается. В любом случае необходимо отдельное исследование социо-культурного

значения миниатюрных рекламных фотобуклетов к фильмам с привлечением дополнительных источников.

Но на некоторые аспекты можно обратить внимание уже в настоящее время. У 30 из 33 буклетов известна цена, которая колеблется от 60 коп. («По щучьему велению») до 2 р. 50 коп. («Петр Первый»). В эту статистику не входят два буклета, изданные типографским способом – они дешевле, чем фотографические (по 50 коп.). Прямой зависимости от года издания не прослеживается. Небесполезными в данном случае будут данные о тиражности. Тираж известен для 14 буклетов из 33. Речь идет о фильмах 1938-1941 гг. Чаще всего, тираж фотобуклетов составлял 30 000 экземпляров (8 буклетов) (3 буклета - 20 000, 1 (Поднятая целина) – 35 000, 1 – 60 000 («Сорочинская ярмарка»). И, наконец, фотобуклет фильма «Суворов» был издан в 1941 г. уже во время войны тиражом в 2 000 экземпляров. Издаваемые тиражом в 30 тыс. буклеты не самые дешевые в составе комплекса: среди них есть «гармошки» стоимостью 1 р. 25 или 50 коп. Таким образом, разброс цен на фотобуклеты и данные о тиражах позволяют говорить о массовом сбыте этой рекламной продукции. А это еще один штрих к портрету повседневной жизни СССР второй половины 1930-х гг.

Таким образом, миниатюрные рекламные фотобуклеты к фильмам – плодотворный для исследования, хотя в настоящее время не очень востребованный источник.

Примечания

1. Здесь и далее используется система учета, принятая в музеях РФ на основании федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ, ст. 3 и федерального закона от 3 июля 2016 г. № 357-ФЗ.
2. Гращенко И.Н., Фомин В.И. История российской кинематографии (1896-1940 гг.). М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. С. 604.

3. Данная точка зрения была озвучена в докладе куратора фотографии и фотографических технологий Национального музея науки и медиа Великобритании (Брэдфорд) д-ра Джеффри Бэлнэпа «Печать после фотографии. Тальбот и изобретение фотомеханического метода печати» на научной конференции «Уильям Генри Фокс Тальбот. У истоков фотографии» (М.: ГМИИ, 21-22 марта 2018 г.).

Ю.В. Стеценко

Изобразительные материалы в Архиве РАН: классификация, хранение, использование

Алисе наскучило сидеть с сестрой без дела на берегу реки; разок-другой она заглянула в книжку, которую читала сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров.

— Что толку в книжке, — подумала Алиса, — если в ней нет ни картинок, ни разговоров?

Л.Кэрролл. Алиса в стране чудес.

Изобразительные материалы в Архиве РАН являются весьма ценным, очень информативным дополнением к биографическим документам ученых. Именно благодаря им облик человека – как всемирно известного светила науки, так и скромного доктора наук – становится многогранным, раскрывается порой с неожиданной стороны. Изобразительные документы прекрасно дополняют материалы археологических и других полевых экспедиций.

Изобразительные материалы являются предметом изучения и пристального внимания исследователей. Им посвящены статьи [1], круглые столы и конференции [2].

Все изобразительные материалы Архива РАН можно разделить на шесть больших групп, внутри которых имеется свое деление. Первая, самая многочисленная группа, фотографии. Эта группа представлена фотопортретами,

групповыми фотографиями, снимками ученых на фоне зданий, в лаборатории, в служебном кабинете, в квартире, на даче и т.д. Часто встречаются фотографии, объединенные в тематические альбомы. Например, альбомы экспедиций, семейные альбомы и др. Отдельной группой представлены фотографии ученого на смертном одре, фотографии его похорон, надгробного памятника. Иллюстрации к трудам ученого могут быть представлены как фотографиями, так и живописными произведениями, относящимися к следующей группе изобразительных документов.

Живописные произведения, хранящиеся в Архиве РАН, представляют весьма ценную группу документов. Это группа незначительна по количеству и объему по сравнению с фотографиями. В этой группе, кроме иллюстраций к трудам, встречаем рисунки и наброски в различных техниках (карандаш, тушь, акварель и т.д.) Среди них выделяются различные жанры. Это портреты, карикатуры, шаржи, пейзажи, архитектурные зарисовки, жанровые сценки. К этой же группе отнесем изобразительные материалы, выполненные профессиональными художниками, фотографами.

К третьей группе мы отнесли фотонегативы, диапозитивы на стекле и пленке.

Четвертая группа представлена коллекциями, часто тематическими, собранными учеными или их ближайшими родственниками. Это открытки, иллюстрации, вырезанные из газет и журналов с видами городов, памятниками архитектуры, произведениями искусства. Иногда эта подборка может представлять собой произведения одного автора.

Пятая группа – это чертежи, карты, планы, схемы и т.д.

Последняя группа, стоящая особняком, кино–фотодокументы. Эта группа представлена кинопленками, видеокассетами, DVD и CD–дисками. Для того чтобы увидеть эти документы, требуется воспроизводящая аппаратура.

В практике архивиста, имеющего дело с фондами личного происхождения, встречается как изобилие изобразительных материалов, так и их отсутствие. Например, в фонде математика, профессора, члена–корреспондента

Л.А. Галина имеется всего одна фотография – фотопортрет[3], с которого смотрит на зрителя человек в очках с очень толстыми линзами. В данном случае исследователь основывается на имеющихся в его распоряжении письменных источниках для написания биографии ученого.

Фонд Н.А. Цытовича [4], специалиста в области инженерной геологии не содержит изобразительных материалов.

При отборе изобразительных материалов на хранение применяется несколько критериев. Это происхождение, содержание, внешние особенности, художественная ценность. Критерий происхождения подразумевает авторство, время, место и обстоятельства появления. Содержание документа отражает значение события, изображенного лица или объекта, а также связь изобразительного документа с жизнью и деятельностью ученого. К внешним особенностям относятся подлинность, оригинальность и физическое состояние. Художественная ценность определяется композиционно-сюжетной целостностью документа, его выразительностью и качеством технического воспроизведения [5].

В Архиве РАН среди изобразительных материалов фондов можно найти рисованные и фотографические изображения ученых, вырезки из периодических изданий с их изображениями. Принимаются на хранение также изобразительные документы, отражающие события научной, общественной и личной жизни, изображения ближайших родственников и друзей, работы, автором которых был сам ученый.

Например, в фонде биолога, лауреата Нобелевской премии в области физиологии и медицины И.И. Мечникова сохранились рисунки, выполненные карандашом и акварелью[6, 7, 8].

Большую ценность представляют собой оригинальные изображения известных людей, а также изобразительные документы, авторами которых были известные в науке и искусстве деятели.

Часто встречаются изобразительные материалы, запечатлевшие события, объекты, предметы, имеющие историческое значение.

Встречаются документы, имеющие большую художественную ценность, редкие литографические издания.

Другой большой раздел среди изобразительных материалов – это иллюстрации к научным трудам. Если не удастся определить точное название работы, к которой они относятся, то такие документы объединяются под определенной темой.

Примером могут служить иллюстративные материалы к статьям, докладам «Мимикрия», «Воплощение материнских впечатлений» из фонда естествоиспытателя, врача–гипнотерапевта П.П. Подъяпольского [9]. Многие из имеющихся ста тридцати пяти фотографий сделаны самим П.П. Подъяпольским.

В последнее десятилетие в Архиве РАН стала развиваться выставочная деятельность. Трудно представить себе выставку без изобразительных материалов.

1 марта 2018 года в Архиве открылась ставшая традиционной выставка «Из новых поступлений». На выставке были представлены фотографии и другие изобразительные материалы палеонтолога, писателя–фантаста И.А. Ефремова, рисунки лабораторного оборудования, архитектурные зарисовки провинциальных храмов, пейзажи геохимика, академика АН СССР А.П. Виноградова, сравнительные диаграммы ученого–востоковеда, академика РАН М.Л. Титаренко и др.

Заслуживают упоминания прошедшие выставки «Систематизм как формула открытия», на которой вместе с полотнами художников–авангардистов А. Верещагина и Д. Гаева-Орлова экспонировались рисунки и чертежи В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, В.Л. Комарова, В.Г. Шухова, Н.К. Кольцова.

Назовем выставку «Наука и искусство в лицах. Портреты современников», на которой представлены живописные портреты известных ученых.

Широко были представлены изобразительные материалы на выставке «Русская Арктика в документах и фотографиях из фондов Архива РАН».

Большой интерес у посетителей и сотрудников Архива РАН вызвала выставка, посвященная 150-летию русского биолога А.Н. Северцова. А.Н. Северцов блестяще овладел техникой рисования карандашом и акварелью. Он специально брал уроки рисунка и живописи. Его учитель зоолог М.А. Мензбир считал, что биолог, помимо всего прочего, должен быть еще и хорошим художником.

Таким образом, изобразительные материалы в Архиве РАН будут всегда востребованы исследователями для иллюстрации своих работ. Они служат прекрасным дополнением и неотъемлемой частью замечательного научного собрания, которым является Архив РАН.

Примечания

1. Волчкова М.А. Возможность изучения, сохранения и научной реставрации архивных фотодокументов с использованием оптико–цифрового оборудования в Архиве РАН // Исследования в консервации культурного наследия. Выпуск 3. М., 2012; Цыпкина А.Г. Изобразительные материалы Трапезундской экспедиции: предварительный обзор и опыт характеристики // Исторические исследования.–2016. –5. –С.280-326; Шабалина О.В. Изобразительные материалы персонального фонда Альберта Николаевича Бенуа (1852–1936) Музея–архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения европейского севера / О.В. Шабалина // Актуальные проблемы источниковедения и текстологии в контексте современных информационных технологий: Материалы Всероссийской научной конференции: к 100–летию со дня основания Государственного музея Л.Н.Толстого (1911–2011).– М.,2011. С. 183–188.
2. Изоматериалы как реальный комментарий. Круглый стол ИМЛИ РАН. 24 декабря 2015.
3. АРАН. Ф. 1952. Оп.1. Д.27. Л.1. Код 3.
4. Там же. Ф. 1879.
5. Методические рекомендации по комплектованию, экспертизе ценности и научному описанию личных фондов ученых в Архиве РАН. – М., 2013.

6. АРАН. Ф. 584. Оп.2. Д.36.
7. Там же. Д.37.
8. Там же. Д.38.
9. Там же. Ф. 1592. Оп.1. Д. 72.

Д.А. Сундукова, Е.В. Воронцова

Создание электронного аудиовизуального архива археографической лаборатории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: простые решения для небольшой коллекции

Археографическая группа (с 1991 г. лаборатория) была образована на Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 1971 г. по инициативе И.В. Поздеевой, уже имевшей к тому времени пятилетний опыт полевых работ с целью собирания и описания кириллических памятников [1]. В 1976 году на Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии были подведены итоги именно комплексных археографических экспедиций, в задачи которых входило не только выявление, описание и собирание книг и рукописей, но и изучение среды их бытования [2]. Это произошло благодаря работе в нескольких регионах, таких как Ветка и Стародуб, Иргиз, Молдавия и, в особенности, Верхокамье, где компактно проживали старообрядцы, чьи религиозные представления способствовали сохранению традиционной культуры как системы [3].

Если книжные памятники передавались в Научную библиотеку МГУ, часть фотографий – в собрание Пермского областного краеведческого музея, то всё остальное, что привозили участники экспедиций и студенческих практик, оставалось в Археографической лаборатории [4]. В результате сформировалось собрание, которое в настоящее время включает в себя фото-, фоно-, видеодокументы, полевые дневники, описи находок, рабочие картотеки, переписку с респондентами и предметы материальной культуры (ткани, утварь, игрушки и др.) Особенность его заключается в том, что источники разного вида связаны между собой, дополняют друг друга и все вместе позволяют составить

комплексное представление о традиции и происходящих с ней изменениях в границах изучаемых регионов.

В настоящее время фотофонд включает отпечатки (5309 единиц), проявленные пленки (20 единиц), несколько десятков слайдов. Подсчёт цифровых оригиналов продолжается, но уже сейчас их объём составляет около пяти с половиной тысяч фотографий. Фотоколлекция продолжает пополняться ежегодно за счет экспедиций, а также личных архивов участников прежних полевых выездов. Самые ранние фотографии датируются 1970 г. Основная часть фотоматериалов относится к Верхокамью. Следующий по объёму массив связан с Южной Вяткой. Далее идут Молдавия и Брянская область. Менее значимую часть составляют материалы из регионов, где экспедиции побывали не более одного раза (Карпаты, Оренбург, Ростовская область и другие). Наконец, последний блок – это фотографии, отражающие научную жизнь лаборатории: выездные описания книг в музеях, конференции, выступления, лекции.

Фотофонд лаборатории крайне неоднороден. Количество фотографий, их качество, сюжетные особенности значительно разнятся год от года, чему способствовал целый ряд факторов [5].

Несмотря на значительные перспективы, которые открывает исследование фотофонда, до настоящего времени он использовался относительно редко (исключением являются отдельные выставки и публикации). Для того чтобы реализовать его научный потенциал, требовалось провести систематизацию и создать удобную систему поиска. Работа в данном направлении проводилась в несколько этапов.

Первый относится к 1980–1990-м гг., когда Е.А. Агеевой были распределены по регионам и в хронологическом порядке фотографии, начата работа по составлению описи, предложена система шифров [6].

Второй этап – начало 2000-х гг. Тогда А.В. Дадыкиным был проведён подробный анализ формирования, структуры и состава верхокамской части коллекции, продуман алгоритм отбора фотографий и продолжено составление описи [7]. К 2005 г. она представляла собой папку с отдельными, сложенными

стопкой листами, на которых были даны описания к фотографиям из альбомов и конвертов, подсчитано их количество и, что особенно важно, проставлены ссылки на полевые дневники (где было возможно). Всем фотографиям, относящимся к Верхнему Камью, была присвоена характеристика по основному сюжету. Позднее, при создании электронной базы данных эти рубрики (с некоторыми изменениями) трансформировались в список тэгов. Особенно отметим, что именно на втором этапе была заложена основная концепция, предполагающая, что информативность фотофонда определяется согласованностью с другими фондами архива лаборатории [8].

К началу 2010-х гг. стала очевидной необходимость создания электронных копий «старых» фотодокументов для объединения их в один фонд с новым цифровым материалом. Таким образом, на третьем этапе, в 2011–2012 гг., Е.В. Градобойновой было осуществлено сканирование около пяти с половиной тысяч фотографических отпечатков из альбомов и конвертов [9].

Следующий, четвертый, этап предполагал систематизацию оцифрованного материала, то есть создание электронного каталога (базы данных), выбор способа хранения цифровых копий и оригиналов (основного и дублирующего), выработку алгоритма пополнения цифрового фотоархива. При этом, чтобы обеспечить эффективную работу с фотофондом, должны были быть учтены следующие требования:

- простота создания базы и возможности её заполнения;
- разумный баланс между качеством и размером фотографии;
- возможность проставлять внешние ссылки, указывая путь к другим видам документов, связанным с конкретной фотографией (полевому дневнику, аудио- и видеозаписи, предмету из коллекции);
- простота и удобство поиска фотографии по региону/году/персоналии/сюжету;
- возможность оперативно пополнять базу данных новым материалом из ежегодных экспедиций и пользоваться информацией «в поле».

В подобной ситуации музеи и архивы обычно идут по одному из двух путей: либо на вооружение берётся готовая программа, из тех, что сейчас в большом количестве представлены на рынке информационных технологий («КАМИС», «Фотокаталог» и подобные), либо специалистами информационного отдела создаётся собственная, подстроенная под особенности фондов конкретного учреждения. И в том, и другом случае требуются поддержка и периодическое обновление систем, операторы ввода данных, финансовые затраты на покупку или разработку программного обеспечения.

Мы, однако, пошли третьим путём и сделали выбор в пользу программы «Excel». Это решение, на первый взгляд, слишком простое и очевидное вполне отвечает, как оказалось, поставленным задачам. Укажем его преимущества:

- это доступная, широко распространённая программа, у нее существуют версии для Windows, macOSX; также работать с документами XLSX можно в различных аналогах на других платформах, в том числе онлайн;

- она располагает широкими возможностями для обработки данных и обладает максимальной гибкостью (легко менять структуру, оперировать массивами данных – импортировать и копировать, в том числе как кусок таблицы);

- ее поддержка не требует наличия в штате системного администратора и программиста;

- в ней легко осуществлять поиск по разным параметрам, делать выборки; можно вносить новые данные без выхода в сеть и с любого компьютера.

На отказ от специализированных программ повлияло также и то, что многие заложенные в них возможности: создание виртуальных экскурсий, доступ к фондам для сторонних пользователей, красивое оформление – в настоящее время не являются первостепенными для Археографической лаборатории. При этом, они могут стать таковыми, что приводит нас к необходимости использовать программу, позволяющую осуществлять перенос больших объемов информации. Таким образом, в перспективе, если будет

принято решение о переходе на другой формат базы данных, информацию из «Excel» можно будет легко экспортировать.

	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N
1	Имя файла	Регион	Год экспедиции	Населённый пункт	Согласие	Описание фотографии	Автор фотографии или	Ссылка на файл	Цветная или черно-белая	Тэги	Полевой дневник	Аудиозапись	Видеозапись
4833	Вятка 08 № 138 001	Вятка	2008	Шурма		Старый каменный дом	Е. Сергеева (В.Посмотреть...)		Ц	архитектура			
4834	Вятка 08 № 139 001	Вятка	2008	Шурма	федосеевцы	Кафе в доме К.Ф. Лубягиной	Е. Сергеева (В.Посмотреть...)		Ц	предмет_традиционной веры, интерьер			
4835	Вятка 08 № 139 002	Вятка	2008	Шурма	федосеевцы	Кафе в доме К.Ф. Лубягиной и хозяйка	Е. Сергеева (В.Посмотреть...)		Ц	портрет, интерьер, предмет_традиционн			
4836	Вятка 08 № 139 003	Вятка	2008	Шурма	федосеевцы	Фотографии соревнований Шикалей (?) из арх. Е. Сергеева (В.Посмотреть...)			Ц	вид			
4837	Вятка 08 № 139 004	Вятка	2008	Шурма	федосеевцы	Красный угол в доме К.Ф. Лубягиной, дух Е. Сергеева (В.Посмотреть...)			Ц	интерьер, предмет_традиционной веры			
4838	Вятка 08 № 139 005	Вятка	2008	Шурма	федосеевцы	Писаная икона из дома К.Ф. Лубягиной	Е. Сергеева (В.Посмотреть...)		Ц	предмет_традиционной веры			

Илл. 1

Приведенный фрагмент дает представление об актуальном виде базы данных. Список тэгов находится в стадии разработки и в настоящее время включает следующие пункты: портрет, коллективное фото события или лиц, хозяйственная деятельность, ремесло, предмет традиционной веры, карты-планы-документы, книга, традиционная одежда, утварь, пейзаж, вид [населённого пункта], архитектура, интерьер, быт экспедиции.

Основное хранение осуществляется на внешних накопителях, резервное – в облачном хранилище (несколько учётных записей на «Яндекс.Диске»). Для цифровых копий и оригиналов выбран формат JPEG: он экономит место, подходит для работы исследователей, хотя, конечно, не позволяет получать высококачественные копии для публикаций.

Файлам с фотографиями присваивается шифр, указанный в таблице, например «Вятка 08 № 139 004». Двухчастная структура номера позволяет объединять фотографии в серии (по респонденту, фиксируемому событию и т.д.) Если проводить параллель со стандартной архивной системой шифров, то регион – это фонд, год – опись, первая часть номера – дело, вторая – листы. Таким образом, остаётся возможность учитывать и обороты отпечатков, добавляя стандартное обозначение оборота («об.») Весь материал разделён по регионам (отдельно выделена папка, где собраны фотографии, фиксирующие научную деятельность лаборатории). Внутри региональных находятся папки с указанием года экспедиции (а также «Неизвестный год»). Таким образом, путь к фотографии отвечает регионально-хронологическому принципу и соответствует информации, заложенной в шифре.

После завершения очередного этапа работы происходит синхронизация данных.

В настоящее время цифровой фотоархив включает 9390 файлов в формате JPEG (обработан материал до 2012 года).

Одна из основных задач, которые стоят перед лабораторией в настоящее время, – описание фотографии её автором непосредственно во время экспедиции или в сжатые сроки после. Несмотря на введение подобной практики ещё в 2000 г. [10], она далеко не всегда соблюдалась, и в настоящее время значительное количество усилий тратится на атрибуцию не только старого, но и нового материала, поступившего за последние десять лет. В то же время, использование «Excel» предполагает простой и удобный способ описания фотографий «по горячим следам». Имея в своём распоряжении шаблон, участники экспедиции сами заполняют каждый свою отдельную таблицу, внося всю необходимую информацию о сделанных ими снимках и сдают отснятый материал вместе с документом XLSX. Далее сотрудник лаборатории отбирает фотографии, присваивает им шифры, добавляет к фонду и переносит данные о них в уже готовом формате в основную базу данных.

Вторую часть собрания Археографической лаборатории составляет фоноархив. Его формирование было начато также в 1970-е гг. и первые материалы были записаны на магнитные ленты на катушках. С конца 1980-х до середины 2000-х гг. запись велась на компакт-кассеты, с середины 2000-х гг. запись ведется на цифровые запоминающие устройства, хранящие файлы в цифровом формате. Созданию современного электронного каталога аудиоколлекции предшествовала кропотливая работа по оцифровке бобин (в основном была завершена еще 1990-е гг.) и кассет. Наиболее значительный массив пленок и кассет – порядка 50 единиц, общим объемом звучания около 30 часов, был оцифрован в 2008–2012 гг. силами добровольца Ю.А. Григорьева. Всего по предварительным оценкам объем хранения аудиофайлов составляет около трехсот часов звучания. Ранее аудиофайлы хранились на CD и кассетах в ящиках и сопровождалась описью, учитывавшей только время оцифровки того

или иного файла. Аудиофонд сегодня, в основном, организован по тем же принципам, что и фотофонд. В основе каталогизации лежит деление на регионы. В примечаниях к файлам помещены все варианты шифров, встречавшиеся на прежних носителях звуковой информации.

Третью часть собрания лаборатории составляют видеодокументы – кассеты, цифровые записи. Состав и структура этой коллекции были проанализированы Н.В. Литвиной[11].

В настоящее время сотрудниками Археографической лаборатории проводится сканирование полевых дневников, электронные копии которых составят ещё один, четвёртый фонд.

Таким образом, именно создание цифрового архива и электронных каталогов с перекрёстными ссылками позволяет наладить оперативный доступ и обеспечить эффективную работу с поливидовым собранием. Выбор такого способа хранения метаданных, как таблица «Excel», представляется обоснованным в случае Археографической лаборатории (по крайней мере, на этапе «переходного периода»), поскольку при минимальных затратах позволяет переломить долговременную ситуацию с накоплением слабо атрибутированного материала и создать условия для сохранения фондов и научно-исследовательской деятельности.

Примечания

1. Поздеева И.В. В поисках прошлого ради будущего // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: Труды III Международной научной конференции. Мир старообрядчества. Вып. 9. М, 2018. С.11–53.
2. Поздеева И.В. 30 лет полевой археографии Московского университета (1966–1995) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 48–59.
3. Поздеева И.В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы //

Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М., 1982. С. 40–71.

4. Поздеева И.В. Поливидовой территориальный архив Верхокамья: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова 1972–1998 // Отечественные архивы. № 4. 2000. С.24–35.

5. Дадыкин А.В. Фотоархив Верхокамья: состав, структура, особенности описания // Традиционная культура Пермской земли: к 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья. Мир старообрядчества. Вып. 6. Ярославль, 2005. С. 103.

6. Благодарим В.П. Богданова за дополнительную информацию о работе с фотоархивом в период с 1980 по 2011 г.

7. Дадыкин А.В. Фотоархив Верхокамья... С. 102–112.

8. Там же. С. 111.

9. Проект «Традиционная культура в условиях модернизации (на примере крестьян-старообрядцев)», получивший поддержку гранта президента РФ № 16.120.11.2285-МК.

10. Дадыкин А.В. Фотоархив Верхокамья... С. 105.

11. Литвина Н.В. Аудиовизуальный архив Верхокамья (1993–2002 гг.): о книге и традиционной книжной культуре (краткая характеристика телевизионного фонда) // Там же. С. 113-119.

М.А. Чичуга

Фотоколлекция подмосковного краеведа М.В. Золотарева

Коллекционер старинной русской фотографии Михаил Валентинович Золотарёв родился в 1952 г. в селе Успенском Ногинского района Московской области. В 1974 г. окончил химический факультет Московского

государственного университета и в том же году был принят в Институт физики твёрдого тела (ИФТТ) АН СССР в городе Черноголовка, где проработал до 1988 г. На часто задаваемый вопрос кем вы себя ощущаете больше – химиком, коллекционером или ученым Михаил Валентинович отвечает: «По образованию – я химик, а по сути – скорее историк».

В 1980-е гг. М. Золотарёв увлекся фотографией и, одновременно с этим, историей Богородска (ныне – Ногинск). В XIX в. Богородск был одним из центров текстильной промышленности, в котором преобладали фабрики купеческой семьи Морозовых – знаменитая Богородско-Глуховская мануфактура, основанная сыном Саввы Морозова – Захаром [1].

Открыв для себя богатую и увлекательную российскую предпринимательскую культуру рубежа веков, Золотарёв занялся съемкой оригиналов фотографий, фототипий, почтовых карточек, репродукций из дореволюционных книг и журналов. Некоторую часть он приобретал у других собирателей древностей. Постепенно это любительское увлечение переросло в профессиональный интерес и полезное дело. В середине 1980-х гг. Михаил Валентинович стал относиться к коллекционированию как к научному труду и это начало приносить ощутимые результаты.

В 1989 г. М.В. Золотарёв получил должность ответственного секретаря Ногинского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИиК). Параллельно он вел работу по организации выставок, изучению семейных архивов предпринимателей и их потомков, выступал с публичными лекциями, участвовал в коллективном составлении историко-краеведческих альбомов [2].

В 1990-е гг. в исследовательских и общественных кругах резко возрос интерес к экономической истории, банковской сферы и истории фирм дореволюционной России, благотворительности, меценатства, истории отечественной рекламы [3]. Тема предпринимательства стала новым направлением в исторической науке. Тогда же фотоархив М.В. Золотарёва приобрел невероятную востребованность и актуальность. С одной стороны, им

заинтересовались профессиональные историки и краеведы. С другой, – потомки старинных купеческих династий. Некоторые из них начали обращаться к Михаилу Валентиновичу с просьбой помочь разобрать семейные архивы, атрибутировать коробки со стеклянными негативами.

В июне 1991 г. в выставочном зале ВООПиК на Варварке прошла крупная фотовыставка «Москва купеческая» с участием 600 фотографий из коллекции Золотарёва. Выставка стала одной из первых публичных презентаций российского предпринимательства. Это был настоящий бум. Она привлекла внимание не только историков, ученых, журналистов, музейных работников, но и широкой публики. Не в последнюю очередь это было связано и с личным желанием коллекционера поделиться своими фотографиями.

Материалы из коллекции Золотарёва экспонировались позже в Музейно-выставочном центре «История отечественного предпринимательства» при Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова и Музее предпринимателей, меценатов и благотворителей. Кроме того, ими наполнялись специализированные сайты по истории Российской империи в период с середины XIX в. до 1917 г. [4].

В 2003 г. М.В. Золотарёв занялся сканированием своей богатой фототеки и переносом негативов в электронный вид. Сегодня она представляет большой научный интерес и насчитывает более 30 тыс. единиц. За годы творческого поиска был собран уникальный материал: фотографические отпечатки, альбомы, негативы (плёночные и на стекле), фототипии, почтовые карточки.

Фотографическая галерея коллекционера многообразна по своему составу. Прежде всего это альбомы, составленные из портретных снимков творческой интеллигенции в открытках второй половины XIX – начала XX вв. (писателей, поэтов, художников, актеров, музыкантов, политических деятелей, предпринимателей, врачей и учителей). Помимо расхожих изображений, воспроизведенных с литографий, встречаются и редчайшие экземпляры (малотиражные и с автографом), которые на сегодняшний день могут отсутствовать даже в фондах государственных музеев.

Другой частью фотоколлекции являются работы фотографов, сгруппированные по конвертам в количестве 160 имен, 108 из которых – это московские фотографы и фотографические фирмы (например, К.Ф. Бродовский, К.А. Фишер, В. Стигнеев, Г.А. Борель, К.А. Бергнер, «Шерер, Наболиц и Ко», «Левицкий и сын»).

Всего изображений в коллекции портретов насчитывается около тысячи (треть из них – это артисты). Вот некоторые из имен: итальянская оперная певица мировой известности Лина Кавальери, актер-трагик В.А. Каратыгин, композитор В.С. Калинин, коллекционер русских древних рукописей Н.П. Никифоров, детская писательница А.О. Ишимова и многие другие. Помимо портретных здесь имеются и видовые снимки (виды городов, улиц, промышленных предприятий, магазинов, банков).

Однако из всего состава коллекции Золотарёву удавалось атрибутировать далеко не все. Малоизвестные или совсем неизвестные персонажи на фотографиях (педагоги, врачи, музыканты) навели на мысль составить из визит-карт и кабинет-портретов каталог, в который бы вошли персоналии, когда-либо имевшие отношение к России (к примеру, примадонна итальянской оперы, гастролировавшая в Санкт-Петербурге и Москве, Сигрид Арнольдсон). Создание каталога вызвало у коллекционера желание выложить фотографии на личный сайт, который сделал бы собрание фотодокументов доступной для просмотра и еще более востребованной.

На сегодняшний день проведена работа по запуску и частичному наполнению сайта <https://www.zolotarevarchives.com/>. Несмотря на то, что он большей частью англоязычный, в планах его создателей сделать также русскоязычную версию. Сайт наполняют картины жизни дворянских семей Жуковских и Лубны-Герцык; фотографии путешествий купцов Морозовых по Египту в начале 1900-х гг. и поездок в Париж и Будапешт русского врача-патологоанатома А.И. Абрикосова (внука купца А.И. Абрикосова); фотодокументы из личного архива русского генерала К. Гильчевского, бывшего

по долгу службы на Кавказе и Ближнем Востоке; изображения строительства промышленных объектов начала XX в. и многое другое.

Предметы из фотоколлекции М.В. Золотарёва, как оригиналы, так и копии, вот уже несколько десятилетий активно принимают участие в музейных выставках ряда городов России и за ее пределами [5], ими иллюстрируются научные монографии, юбилейные сборники, журналы, буклеты и оформляются сайты [6]. Увлеченность мастера любимым делом, огромное желание узнавать о судьбе своих героев, делиться маленькими открытиями их жизни и доносить удивительные рассказы до слушателей – вот то, что составляет творческий путь коллекционера Михаила Валентиновича Золотарёва [7].

Примечания

1. Компания Богородско-Глуховской мануфактуры была учреждена в 1856 г. В 1918 г. национализирована. С 1933 г. переименована в Глуховский хлопчатобумажный комбинат им. В.И. Ленина // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. Т.1. С. 261. В 2003 г. ОАО «Глуховский текстиль» был ликвидирован.
2. Уездный город Богородск на старых фотографиях / [Авт.-сост. М.С. Дроздов, М.В. Золотарев]. - 2. изд., испр. - Ногинск, 1999.
3. Новосельская Ю.И. Золотарев М.В. Сюжеты истории предпринимательства и истории архитектуры Москвы в коллекции иллюстративных материалов (XIX - начала XX вв.) М.В.Золотарева // Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие. Материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию факультета технотронных архивов и документов (Москва, 20 декабря 2004 г.) URL: <http://ftad.ru/library/ftad10/10.shtml> (дата обращения: 22.03.2018).

4. <http://all-photo.ru/empire/index.ru.html> (разделы «Российская Портретная Галерея. Энциклопедия известных российских деятелей в фотографиях» и «Российская Империя в фотографиях») и www.moskva.kotoroy.net.
5. Регулярные лекции в Черноголовском историко-краеведческом клубе; 23 мая 2018 г. выступление в Музее предпринимателей, меценатов и благотворителей. Выставка «Театр как жизнь, жизнь как театр» (2013 г., Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские»); фотовыставка «Со старых стёкол» (22 января 2016 г., Культурный центр «Дом Озерова», г. Коломна).
6. MerchantMoscow: ImagesofRussia'svanishedbourgeoisie / Ed. byJamesL. Westa. IuriiA. Petrov; Withthecollab. ofEdithW. Clowesa. ThomasC. Owen. - Princeton (N.J.): Princetonuniv. press, Cop. 1998; Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797-1917. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004; Купеческая Москва: образы ушедшей российской буржуазии / отв. ред.: Дж. Уэст, Ю.А. Петров; [пер. с англ. Ю.А. Петрова и Е.Н. Савиновой]. - Москва: РОССПЭН, 2007; Быть может, мы - лишь тень былого?...: жизнь семей Жуковских и Герцык в усадьбах / [авт.-сост.: Т. Н. Жуковская, М. В. Золотарев]. - Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011.
7. Текст статьи подготовлен на основе личной беседы автора с М.В. Золотарёвым.

Уважаемые читатели!

Издательство «Спутник+»
предлагает:

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
- 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + **Набор, верстка, корректура и редакция текстов.**
- + **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**
- **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

*Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)*

<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

Научное издание

ТЕХНОТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Сборник научных статей,
посвященный памяти заслуженного профессора РГГУ,
доктора исторических наук В.М. Магидова*

Ответственный редактор:

Г.Н. Ланской

Составитель:

М.М. Жукова

Издательство «Спутник +»

109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.

Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)

Подписано в печать 04.03.2020. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,75. Тираж 200 экз. Заказ 52.

Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»